

М.А.МОДЖУЗ

Стихи

М. А. МОДЖУЗ

894.362-1

АМ-2

СТИХИ

Переводы
ПАВЛА ПАНЧЕНКО

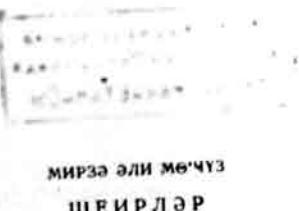
3455//

М. Ахундов. Стихи
Азиз Ахан Переводчик
Узима Наджибханлы

10/6/1

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку • 1956

Составитель
Г. МАМЕДЛИ

МИРЗА АЛИ МОДЖУЗ
ШЕИРЛЭР

МИРЗА АЛИ МОДЖУЗ

Поэт Мирза Али Моджуз родился 29 марта 1873 года в Южном Азербайджане, в местечке Шабустар, в семье купца по имени Гаджи Ага. Первоначальное образование он получил в старой школе с допотопными методами обучения. Шестиздати лет, потеряв отца, он переехал в Стамбул к своим братьям. Поэт 16 лет прожил в Турции, занимаясь продажей книг и школьных принадлежностей. Свободное время он проводил за чтением книг. Там же он написал первые свои стихи.

Накануне первой русской революции, в возрасте 32 лет, поэт вернулся на родину — в Шабустар, где он оставался почти до конца жизни. Здесь он столкнулся с миром мракобесия, насилия и встал на защиту своего народа. В своих стихах он воспел свободу, олицетворенную у его соотечественников. Об этом он сам упоминает в автобиографии. Он пишет, что, вернувшись, увидел жалкое положение своей родины и начал писать. Своими стихами 26 лет он вел войну против духовенства и угнетателей, в защиту народа. Он писал на родном языке. Ему хотелось, чтобы все мужчины и женщины читали его произведения и поняли его.

Великий немецкий поэт Гёте вполне справедливо заметил: «Тот, кто хочет понять поэта, должен отправиться в его страну». Это изречение величайшего поэта вполне применимо к азербайджанскому поэту Моджузу. Его произведения — зеркало, в котором отражается вся жизнь Южного Азербайджана. Бесправие народа, его борьба против вековых притеснителей, тяга к культуре, гнет суеверий, давящий на народ, жалкое бесправное положение, закрепощение женщин — все это мастерски отражено в творениях поэта.

По своему миропониманию, мировоззрению, идеальной насыщенности своих произведений Моджуз, как поэт, художник и мыслитель, занимает особое место среди поэтов Южного Азербайджана. Здесь, как и во всем Иране, современники Моджуза писали газели, элегии, оды в честь святых. Произведения их были схоластичны, отвлечены и безидеяны. Моджуз же во всех своих произведениях

пишет о бездонном народном горе и разоблачает угнетателей, внутренних и внешних. Достойно внимания, что, живя в таком далеком от культуры захолустье, каким был Шабустар, где царили фанатизм и мракобесие, где пышно процветала реакция, Моджуз оказался дальновидным и острым поэтом, мастером широкого диапазона.

В своих стихотворениях он с большой любовью воспевает великого Ленина, восхищается Советской властью. Будущее благоденствие своего народа он видит только в установлении Советской власти. Он зовет свой народ приобщиться к русской культуре. Моджуз уверен, что русский народ открыл человечеству широкую, благодатную дорогу к процветанию. Он выступает как борец-прогноститель. Поэтому он особенно близок и дорог всем труженикам своей родины.

Своими произведениями, бичующими высшие сферы иранской правящей аристократии и представителей оголтелого фанатизма, Моджуз изобличает сущность империалистических вожделений Англии, Германии, Турции и США.

Произведения поэта при его жизни не увидели света. Власти и реакционное духовенство наложили на них запрет. До самых последних дней своей жизни Моджуз вляпал полуголодное существование, живя на крайне скучные заработки, но не сгибал спину перед внутренними и внешними крагами своей родины.

Большая Октябрьская социалистическая революция не могла не отразиться в умах и сердцах тружеников соседнего Ирана. Как говорит гений пролетарской революции В. И. Ленин, русское движение 1905 года окончательно разбудило Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию. В числе миллионов, поднявших знамя борьбы за минимальные права, за демократию, был и иенсивный Моджуз.

Журнал „Молла Насреддин“ и Сабир, современная демократическая литература, возникшая под лучами русского революционного движения, оказали самое благотворное влияние на Моджузу. Поэт до конца своей жизни остался неизменно верным пути, предложенному бессмертным сатириком Сабиром. Он смело отображал горести и невзгоды, чаяния и стремления родного народа. Его сатирические стихи впитали в себя кровь благородного сердца поэта и слезы миллионов угнетенных тружеников.

На закате своей жизни, переживая немоверные трудности и горе, поэт вынужден был оставить родной дом и переселиться в гор. Шахруд на севере Ирана, где он умер от туберкулеза 25 сентября 1934 года.

Гулам Мамедли

ЛЕНИН

Ухватимся скорей за край его одежды:
— О Ленин, защити от угнетенья нас!
Моджуз, ты с ним свяжи моленья и надежды:
Он веку возвестил освобожденья час.

В НАХИЧЕВАНИ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Благодарение творцу—счастливым стал народ:
В одеждах красных, как заря, Нахичевань идет.

Там власть Советская теперь, там справедливость чтут,
Там труженик владыкой стал, прогнав былых господ.

Там дармоеду-королю мат неизбежный дан,
Там бека с ханом раздавил слона победный ход.

Пора цветенья началась—и в зелени ветвей
Впервые в жизни соловей о радости поет.

Ликует, как волшебный сад, в лучах Нахичевань,
Все обновленьем дышит в ней, лелея чудный плод.

Вслед за Тавризом Шабустар, за ними—Хамене,
Весь Южный наш Азербайджан мечтой о ней живет!

И эта зависть неспроста, нет, смысл ее велик:
Там—торжество, а здесь—печаль и жалобы на гнет.

Моджуз, не лей кровавых слез, но верь, наступит срок—
И сгинет рабство без следа, и весь Восток вздохнет!

РОДИНА

Почему ты так вздыхаешь, соловей страны родной?
Вспомнил, что во всей подлунной нет бедней страны род-
ной?

Сорняки цветник забили, розы сникли, пожелтев,—
Отчего ж поблек заветный сад моей страны родной?

Что ты спишишь, народ несчастный, пробудись, ну, что ты
спишишь?

Знать тебя сбывает в руки палачей страны родной.

Стены, двери,—все покрыто чистой кровью сыновей,
Вечера одеты в траур, нет грустней страны родной.

Хватит нежиться в постели, отшвырни подушку, встань!
Спит пастух,—терзают волки стадо всей страны родной.

Боже, сколько на чужбине гибнет наших земляков!
Почему ты так унизил сыновей страны родной?

Превратил ученый недруг нас в носильщиков своих,
Потому что, мнится, в мире нет темней страны родной.

Родина, ты—тело наше, мы, сыны,—твоя душа.
И останемся душою мы своей страны родной.

Дружно за руки возьмемся, знаний свет нас озарит,
И прогоним сон тяжелый от детей страны родной.

Очень жаль, что мне в Иране улыбаться не пришлось
С той поры, как для Моджуза нет милей страны родной.

РЕСПУБЛИКЕ

Эй, виночерпий, разорись для сыновей республики—
Народу хочется хлебнуть вина моей республики!

Постой, рассветный ветерок, потише дуй, не торопись:
Не запыли, дружок, лица или кудрей республики!

Глупец кричит:—Ну, как же так? Как телу жить без
головы?
Нет, так превратно толковать ты суть не смей республики!

То пастухи без головы овец оставили волкам,—
Вот потому-то и хотим мы все сильней—республики.

Иранцу бедному никак не разогнуть спины своей—
Затем, что чтили мы врагов, а не друзей республики.

Мы шахам¹ кланялись века: «—О венценосец, точно так!»
Пусть прозвучит простое «Да!» из уст детей республики.

Кто хочет рабство растоптать, навек избавиться от бед,
Тот не страшись, как Моисей, морских зыбей республики.

Республика вернула жизнь всем создававшим Новый Свет!
Явись к нам, новый Иисус, грянь чародей республики!

Во Франции ни пяди нет необработанной земли,—
Сынок, послушай, походи среди полей республики!

Невежда будет целовать прах на пороге торгаша,
А умница почтит лишь герб родной своей республики.

Один Моджуз, уверен я, умеет золото ценить:
Не всякому дано ценить плоды с ветвей республики.

МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК

Сделай милость, виночерпий, дай еще стакан вина,
Потому что, брат, с похмелья голова моя больна.

Нет ни семячек соленых, ни фисташек у меня,—
Пусть мне губы на закуску даст красавица одна!

Чтобы бедного поэта хоть немножечко развлечь,
Позови ты музыкантов! Гряньте, бубен, тар, зуна!

Я хочу напиться вдоволь, но имею только... стыд:
В кошельке—ни золотого, а в амбаре—ни зерна!

Не помещик-угнетатель, не купец я и не хан,—
Я поэзии владею, а у них ей грош цена.

Мой язык, известно, тюркский и слова мои просты.
Знаю, мой товар не ходок в эти злые времена.

Я совсем недавно шаху преподнес письмо в стихах—
Он изрек:—Я не мальчишка, мне иная речь нужна!

Тюрок этот полагает,² что язык наш для невежд,—
Боже, скинь Каджара с трона! Сльешь его ты, сатана!

Не теряй, Моджуз, надежды, материнский чти язык:
До татар и до китайцев речь твоя дойти должна.

БАТРАК

Виночерпий, как в Иране с давних пор живет батрак?
Пуст мешок, хотя полгода проливает пот батрак.

Без крупы сидят зимию ребятишки батрака:
Ради ханского амбара пашет, сеет, жнет батрак.

Хан продаст ячмень, барана—денежки себе в карман,
Бородой замодавцу платит в свой черед батрак.

Руки цепки, ноги крепки—ты хозяину слуга,
А начнешь слабеть—пинками получай расчет, батрак.

Ни за грош корпнит у хана, а увидит, что—к чему,
В слуг, в работников обычных превратит господ батрак.

Только я не знаю, право, чем взволнован в эти дни,
И с какой ложится думой, и с какой встает батрак.

Да, Моджуз, об этом должен он подумать, но когда?
Носа вытереть не может под ярмом забот батрак!

Я РАЗБУЖУ

Милая! Самуд, Ади и Хосров, Ширин, Фархад³
Нам цветущий этот мир завещали, словно клад.

Я у мудрого спросил: — Как на свете надо жить,
Чтоб исчезли грусть, тоска, чтоб царили мир и лад?

Он ответил: — Ты живи скучной жизнью дервиша:
Будь, что будет! Не вперяй ты в грядущее свой взгляд!

Пей вино, а боль и скорбь вырви с корнем из души,
Если ум проснется твой, жизни ты не будешь рад.

Сын — он смерти ждет твоей, дочь — ей только бы сердить;
Мало пользы от детей, пользы нет и от внучат.

От наследников добра не дождешься никогда,—
К черту лавку сбудь свою, заодно продай и сад!

Все продай! Избавь себя от жандармских жадных глаз,
Не плоды приносит сад, а несчастье и разлад.

Кнут жандармский просвистит —не уклонится народ,
Содрогнется и земля, как заплачут стар и млад.

От Шеддада с древних дней перешел к жандармам кнут.
Потому-то никого палачи и не щадят.

Ты, сестра Тукяз, от них справедливости не жди:
Чтоб спастись, продай палас, одеяло, все подряд!

Я — бабист, я не страшусь дня последнего суда,—
Что ж не думает о нем тот, кто знатен и богат?!

Ах, купи, сынок, билет: бросим все и убежим.
Лишь чахотку нам с тобой здесь развалины сулят.
Русский, турок и француз не взлюбили деспотизм,—
Почему ж, иранец, ты переносишь этот ад?
Угнетателей прижмем — дать работу нужно всем,
Чтоб иранец не стонал, из дома уйдя в Багдад.
Эй, друзья, народ во тьме, только и способен он
Что податься из руин вдаль, куда глаза глядят.
У других из рода в род переходит свет наук,
Нам же саван и книжал завещает шарнат.
У моллы дурная кровь — нужно знахаря позвать:
Пусть он выпустит ее, грязный свой достав булат.
Кто разбудит наш народ? Я, Моджуз, берусь поднять,
Если новшества меня в эти дни не устрашат.

ГЮНЕЙЦУ

Что за новость к нам в Гюней⁴ донеслась, гюнек мой?
Вновь чиновник прикатил к нам сейчас, гюнек мой.
Власть две тысячи людей набирает для работ.
Обеспечить их — и в путь! — есть приказ, гюнек мой.
В руки им дадут кирки — и проложат земляки
Для тавризской конки путь в добрый час, гюнек мой.
Городские богачи, деньги в роскошь обратив,
Стали нищими: ушло все из касс, гюнек мой.
А чиновники поют и рабочих бьют плетьями,—
Слышал тетушки Ковсун ты рассказ, гюнек мой?
Чтоб зимою Шарафхан⁶ мог казармы отопить,
Деньги взяли у кого? Да у нас, гюнек мой!
Богачи, моллы, дельцы ни копейки не внесли,
А бедняк — он отдал все, что припас, гюнек мой.
Что ж другой конец бревна на плечо не взял богач?
Что ж в сторонке он стоит: я, мол, — нас, гюнек мой.
Это, брат, еще не все, многое бед и впереди!
Слезы и заплаты — нам, им — атлас, гюнек мой.
Ленин умер, но живет на земле его закон,
Траур держим мы, но вождь не угас, гюнек мой.
Нет еще пути в Тифлис, нет проезда в Истамбул, —
Ну, а хлеб в стране родной скрылся с глаз, гюнек мой.

Надо русский изучить, дело ткацкое познать—
Всюду слышится о том божий глас, гюнеец мой.

Но учиться запретил нам всезнающий молла,—
Обрати же к небесам свой намаз, гюнеец мой!

Он арабскую учить нам грамматику велит,
Он в схоластике своей весь погряз, гюнеец мой.

Но в арабских книгах нет ни слова про самодет,—
Поищи, а вдруг найдешь пару фраз, гюнеец мой!

Ты о родине читал, да не понял ничего,
А кричишь, кричишь о ней всякий раз, гюнеец мой!

НАКОНЕЦ

Проснись: проник желанный луч к нам с небосклона
наконец.
Лишь поцелуй ты подари душе влюбленной наконец.
Красавица, бесценных роз, что рдеют на твоем лице,
Не станет: облетят они чредой законной наконец.

— О виночерпий,—я спросил,—что весел ты? А он в ответ:
— Да что грустить? Ведь все уйдем в земное лоно наконец.
Ты выпей красного вина—и думы мрачные оставь,
Пляши и пой, покуда смерть не вырвет стона наконец.

Когда-то Кир^б шахский трон рука судьбы преподнесла,—
К семье Каджаров перешла его корона наконец.

Каджары грабили страну, стоял среди развалин плач—
И все бежали из страны испепеленной наконец.

Тринадцать горестных веков прошло—и крики ула судьба:
— Долой тирана! Корень сгнил,—да сгинет корона наконец!

И на покинутый дворец с тоской взирают господа,
А бедняки пришли сюда не для поклона наконец.

Моджуз, ликует весь Иран, вздохнули сыновья его:
Никчемный и коварный шах свалился с трона наконец!

ШАХ ВО ФРАНЦИИ

Никто республику у нас не оценил с далеких дней—
Да рухнет в пропасть этот шах со всей гордостью своей!

Народ от горя и нужды, как щепка, высох, весь исчах,
И даже сам пророк в раю с тоской зовет своих детей:

—Взгляните, дети, на весы экспертами поставлен шах.
Сто пятьдесят батманов он уравновесил, малый сей...

Взойдя на трон, он возгласил:—Эй вы, подайте-ка сюда
Вина, и женщин, и юнцов, и музыкантов, и сластей!—

Когда народ наш слезы лил, шах предавался кутежам,
Лелеял брюхо он свое, а честь—он дал отставку ей.

Он шляпу модную надел и путь во Францию держал.
Отель шантанами сменив, он стал добычею страстей.

3456//

Не так уж много, если он сто тысяч поднесет одной:
Ведь жены шаха тратят в год, считай, по стольку же
рублей.

ДРУГУ МАМЕДАЛИ

Слышал, новость в Шабустаре есть у нас, Мамедали¹
Нет Гаджи Молла Джрафара, он угас, Мамедали.

Вечерком, под воскресенье, явно слышен был толчок—
Весь Иран едва не рухнул в этот час, Мамедали.

Вдруг решил короноваться не зевающий Рза-хан,
А к нему—с поклоном черти все зараз, Мамедали.

И сидит, обняв колени, нерадивый шах Ахмед.
Шутка ли—свою корону он не спас, Мамедали!

Он кутил себе в Париже, шляпу модную носил,—
Вот за это и наказан он как раз, Мамедали.

Лгут, как будто человека можно сглазить, милый друг!
Что ж бесстыжего не тронул этот сглаз, Мамедали?

У него башка пустая, а живот битком набит:
Вопль нужды его ни разу не потряс, Мамедали.

Крах—династии Каджаров! О династии иной
В Пехлеви недавно издан был указ, Мамедали.

До меня вчера известье необычное дошло:
Нас надеть заставят шляпу—напоказ, Мамедали.

Как наденешь—будешь проклят, обречен гореть в аду,
Путь к спасению не проложит и намаз, Мамедали!

Ведь аллах папаху создал, шляпу—дьявол сотворил,
От греха одно спасенье—твой отказ, Мамедали.

Не француз ты и не русский,—лишь папаху надевай!
Что ж далеко на чужбине ты увяз, Мамедали?

От невежества страдая, опозорился Иран,—
Не оставим же позора про запас, Мамедали!

Ну, прощай, за уваженье я, Моджуз, благодарю.
Хватит, очень затянулся наш рассказ, Мамедали!

ДРУЗЬЯМ

Встало солнце—значит, скоро милая придет, друзья.
Как приятен этот праздник и ее приход, друзья!

Предсказал астролог верно: поцелуй возвроч в цене.
Я боюсь, что к разорению это приведет, друзья.

Что веселье молодому? Виночерпий, дай вина!
Вы простите: постарел я ото всех забот, друзья.

Улетел холодный ветер—я спешу поздравить вас,
Веет ласковой весною—гибнут снег и лед, друзья.

Сколько света и теплыни подарило солнце нам!
Все живое, поднимаясь, расцветает вот-вот, друзья.

Рокот, лепет, стрекотанье поднимаются в простор,
Тар и флейта зазвенели и певец поет, друзья.

Кто вдыхать желает опий, пусть поедет в Хоросан⁸.
В этом городе священном тишина весь год, друзья.

Не танцуй, не пой, не смейся, не играй, не говори,—
Ах, могилу Хоросану кто не предпочтет, друзья?

На развалинах ни пахарь, ни купец не могут жить,
Наш Иран—страна рыданий, нищеты, невзгод, друзья.

Нет работы в Шабустаре—эй, сограждане, бежим!
Шинdevar⁹ гораздо лучше, чем Гюней живет, друзья.

Там по грязи узких улиц не пройти, не погулять,
Там совсем невыносимо в пору вешних вод, друзья.

Как слепой, бредешь там ночью, опасаясь темноты:
Голову стена любая мигом разобьет, друзья.

Свет нам нужен до зарезу, чтоб навек развеять мрак.
Как фонарь, зажгу я слово, подниму народ, друзья!

Толстосумы для гуляний место выбрали себе,
В мире нет прекрасней сада, чем у тех господ, друзья.

Есть просторный сад в Тифлисе, и в Баку, конечно, есть,
Шабустарский¹⁰ сад их, право, за пояс заткнет, друзья.

Поднимись на крышу бани и на запад погляди:
Наш народный сад предстанет в блеске всех красот, друзья.

Правоверные у бога просят ангелов,—глупцы!
А хранитель рая с неба им насмешки шлет, друзья.

Не заменят человека ни верблюдом, ни конем,—
Там вовек не будет рая, где держали скот, друзья.

Я, что крепость Искендера¹¹, принимая бой, стою.
Кто со мной сразиться хочет? Что ж, пускай идет, друзья!

Обнажу я меч Моджуза—и герой бежит, как трус:
С давних пор язык мой острый—верный мой оплот, друзья.

ЗИМНИЙ ПОСТ

Я согнулся, словно лук,—пожалей, о зимний пост!
Ты смотри, я с каждым днем все желтей, о зимний пост!

Бек—он ест десятки блюд: плов, пити, бозбаш, кебаб,
А в мечеть придет и льет слез ручей, о зимний пост!

Хан и завтрак, и обед, а затем и ужин ест—
И, дремля, сосет кальян постник сей, о зимний пост!

Хан твердит, что бедняки в рай вовек не попадут,
А молла, —что ждет их бог, как детей, о зимний пост!

Христианин и еврей тоже метят в рай попасть,
А геенна—кто гореть будет в ней, о зимний пост?

Говорит суннит, что рай создан только для него,—
Нет, иранцу не познать, райских дней, о зимний пост!

Если будем соблюдать справедливость мы во всем
И начнем, как Нуширван, жить честней, о зимний пост!—

Станем царствовать тогда мы и здесь, и в небесах,—
Рай устроим на земле мы своей, о зимний пост!

Коль всевышний справедлив, бедных он не бросит в ад,—
Сколько им пришлось гореть без углей, о зимний пост!

За двуххранинк стертый их гнул хозяин дотемна,—
А подобного огия что страшней, о зимний пост?

К бакалейщику брели—стертых денег он не брал,
Пекарь тоже прогонял тех людей, о зимний пост!

Но со скидкой, наконец, брал монету кто-нибудь.
Хлеб да чай—и беднякам веселей, о зимний пост!

Разве богу не видать, что лаваш—вся пища их?
Что ж орешник не тряхнет он сильней, о зимний пост?

Говорят, что бог велел скоро кончиться тебе,—
Обрати ж свой слух к мольбе ты моей, о зимний пост!

Скоро, скоро я умру,—так закрой мои глаза,
И обмой, и хоть слезу ты пролей, о зимний пост!

Пусть мой скарб возьмет с торгов Кербалай Алимурад,
Для примера в миску брось пять грошей, о зимний пост!

Саван, вату, камфору—все, что надо, ты купи,
И в могилу гроб отправь поскорей, о зимний пост!

Но могильщику, прошу, тот двухкранник не давай:
С ним на свете, что ни день, доля злей, о зимний пост!

Будет холодно в гробу—ты дровишек раздобудь
И немножечко меня обограй, о зимний пост!

Ангел поведет допрос на арабском языке,—
Я ж, ей-богу, не такой грамотей, о зимний пост!

Русский изучай язык, чтоб счастливым стать навек,
И в Россию поезжай, будь смелей, о зимний пост!

Сколько раз молла внушал, что арабский нужен нам,
Что в загробной жизни он всех нужней, о зимний пост!

Ангел спросит: «Кто твой бог?» А того, кто промолчит,
Стукнет палкой по башке без затей, о зимний пост!

Проповедник говорит:—На чужбину не стремись:
Бог-кормилец наградит сыновей, о зимний пост!

Только он забыл Иран наделить сукном для брюк,—
Из господней бязи ты брюки шей, о зимний пост!

Если будет бязь линять и твою окрасит плоть,
То не станешь от того ты грешней, о зимний пост!

МОЙ НАРОД

Трубит архангел Исафил—встают все страны, мой народ!
Что ж не рассеял до сих пор ты сон свой странный, мой народ?

Уж солнце с Запада взошло, а нерадивый спит Восток.
Народам этот свет милей небесной манины, мой народ.

Там солнце, звезды и луна сняют людям сообща,
Здесь мрак невежества затмил восход румянный, мой народ.

Фанатики посрамлены: где возвышался Истамбул,
Зияет черный лишь провал, а в нем шайтаны, мой народ.
Перевернулось все вверх дном, свалился в бездну старый мир.

Возник прекрасный новый мир, мир долгожданный, мой народ.

Что за наука—ты взгляни:—там телефон изобрела,
Спроси—ответят издали и сквозь бураны, мой народ.

Что за наука создала там типографские станки—
С них тысячи снимает книг труд неустанный, мой народ.

Что за наука покорить пространства страшные смогла—
Смотри, как хорошо летят аэропланы, мой народ!

С наукой этой темноту свет электрический пронзил—
Перед тобою ночь—как день, день несказанный, мой народ.

Наука мощь в металл влила—и человек вздохнул вольней:
Его несметный груз несут машины, краны, мой народ.

Она заставила металл по-человечески запеть—
И он поет, благодаря кружку мембрани, мой народ.

Она пронзила грудь земли — и сколько угля, нефти, руд,
И золота, и серебра течет из раны, мой народ!

С наукой дружный человек, как рыба, плавает в морях,
И полновластно одолел он океаны, мой народ.

Взгляни—науку применив, канатом Индию связал
И по рукам и по ногам гость чужестранный, мой народ.

Когда спускался к нам с небес в корзинах сахар или чай?
А вот наука нам дает свой плод желанный, мой народ.

Молла науку запретил, разрушил светлый храм ее,
Руины скорбные стоят среди поляны, мой народ.

Иран развалиною стал, а мы в рабов превращены,
Невежество скрутило нас, как гость незванный, мой народ.

Но не засыплются землей ни плач, ни стон, ни тяжкий
вздох,—
Бедняк-скиталец превратит их в ураганы, мой народ.

Проснись, народ! Твои отцы—Бахман, Шапур и Кейхосров,¹²
Пусть Нуширван тебя ведет на подвиг бранный, мой народ!

Мечом науки разруби змею невежества скорей,
Невежество — твой первый враг, враг самый рьяный, мой
народ.

И ни о чем не сожалей: те, что ушли,—уже ушли.
Не трать бесплодно дней своих, бей в барабаны, мой народ!

Моджуз, надежды не теряй, в грядущее народа верь,
Скажи: немножко разогнал свой сон туманный мой народ.

ПРИЗНАНИЕ

Знаешь ли, какой мечтою скорбный пленник твой обят?
Целовать глаза любимой день и ночь он был бы рад.

За тебя пойду на гибель, о садовник красоты,—
Дай взглянуть на сад цветущий, приоткрой калитку в
сад!

С чистой совестью пришел я, созерцать хочу тебя:
У тебя гранаты-груди созревают, говорят.

Алой розы я не трону и граната не сорву—
Ведь ущерба никакого причинить не может взгляд.

Верь: айва прекрасней станет, если пыль с нее смахнуть.
Право, любящие взоры лепестков не осквернят.

Не поймет банкрот законов ни любви, ни красоты,
Ведь оценит вкус варенья лишь знаток других услад.

Родинке твоей священной поклониться жаждут все:
Видишь, толпы пилигримов издали к тебе спешат.

Видно, зиждятся на розах жемчуга во рту твоем:
Рот твой розовый прекрасный источает аромат.

Если б сахаром назвал я губы сладкие твои,
Треснул бы хрусталь, в котором люди лакомства хранят.

Твой язык на свежий финик так похож,—сказал поэт.
Жаль, что с косточкою финик!—Нет, сравненье невопад!

Он сказал, что кудри эти так похожи на рейхан,—
Нет, и запахом, и цветом волосы траву затмят!

Если б все богатства мира невзначай достались мне,
Я за взгляд очей пьянящих отдал бы их все подряд.

Эта шахская осанка, властные движения рук—
Неужель они страданий подданных не прекратят?..

Так писал я поздней ночью, в тишине уединясь.
Лампы свет все уменьшался, возрастил все больше чад.

Вдруг жена моя проснулась и, увидев, прокляла:
—Будь закрыт навек пенал твой, — спи, когда другие
спят!

Посвятил стихам все мысли — и забыл, что пуст кувшин,
Что без мяса плохо будет, как нагрянет снегопад.

Кредитор придет к нам завтра — что ответишь ты ему?
Разве с нас взимать налоги власти больше не хотят?

Арендатор не уступит ни копейки бедняку.
Вместо подати три шкуры слупят, если небогат.

Упаси господь, чтоб часом разозлился Сафар-бек:
И тюфяк, и одеяло, словно ветер, улетят.

Сын в Баку ушел работать, а в Иране мать должна
За него платить налоги, хоть и нет совсем деньжат.

За головку рафинада нас продать готов молла —
Пусть ему пойдет на тризну этот самый рафинад!

В миг, когда благословлял он, лучше б сгнил его язык,
Всех, кто замуж выдавал нас, пусть проклятия поразят!

Я не выдержал и начал на проклятия отвечать:
Женской верности проклятье! О проклятие ей стократ!

Лучше пусть глаза Адама вылезли бы прочь в раю
В миг, когда с глазами Евы встретились там наугад!

Ведь счастливым из счастливых был когда-то Иисус,
Что остался одиноким, без жены и без ребят!

Никакой мужчинам пользы, кроме горя, нет от них:
Ну, какое благо жены, вроде Тукезбан, сутят?

Тут жена вскочила с криком: — Есть, мол, плов и есть
бозбаш,
А бозбаш любому плову предпочут и стар, и млад!

Я спросил: — А что ты скажешь о расходах плова мне?
Сколько рубликов платил я за атласный твой наряд?

— Не желаю и гяурке — шабустарца быть женой:
Много ль выгоды от мужа, что женат и не женат?

Десять лет он на чужбине, ну, а дома — десять дней...
— Этим встречам и разлукам — я и сам, увы, не рад!

Но послушай, дорогая, можно ль мне не уезжать,
Если вместо хлебных злаков здесь развалины торчат?

Ты поверь: в края чужие я и носа б не казал,
Если б хлеба было больше да поменьше бы заплат.

Уезжать туда зимио — хуже смерти для меня,
Но крепка душа иранца, хоть невзгоды ей грозят.

Эй, Иран, — и шах, и иниций опечалены тобой:
Ни закона, ни покоя для лачуг и для палат.

Бескультурье караван твой прямо к пропасти влечет.
Что ж ты спишь? С таким вожатым попадень, пожалуй,
в ад.

Чужеземцы — те культурно к нам на спину взобрались,
А покорные уныло перевозят и молчат.

Виночерпий, ради бога, в чашу водки мне налей:
Нынче грустных очень много, нынче водка — нарасхват.

Водка, брат, тебе не взятка: той запрет, а этой — честь.
Мне закон такой по нраву, не закон, а просто клад!

Шейх его придумал с толком, поживиться сам непрочь,
За безбожника такого, право, пусть меня казнят!

Мусульмане за границей голодают на снегу,
А у знати плов не съеден, риса, мяса — целый склад!

Ты, Моджуз, сидишь у печки, наслаждаешься теплом, —
Что тебе до зимних улиц, — пусть бураны там шумят!

Расспроси-ка ты у бедных, как живется им зимой:
Ни одежды, ни печурки, холод, голод, темь и смрад.

Эх, открыть бы путь в Россию! Как бы ты бежал туда
От невежества, чьи руки стиснуть горло норовят!

БОГ ДАСТ

О, виночерпий, день и ночь не ной,—
Со временем печаль пройдет, бог даст,
И стрелы отвратит судьба от нас,
И пожалеет наш народ, бог даст.

Ведь шах Каджар себя прикончил сам
И с миром отдал душу небесам.
Да, это верно: он в крови, и нам
Не сдавит грудь его уход, бог даст.

Корону и престол разбил он впрах,
И нет ему нужды в земных делаах.
Оставь же, виночерпий, этот страх,
Налей, он больше не придет, бог даст!

Остался, правда, шаха младший брат.
О нем уже давно тоскует ад:
Он должен пасть хотя бы за разврат,—
Народ ему предъявит счет, бог даст.

Беда народа — темнота и сон.
Трудом и знаньем будет он спасен.
Ведь так отважен и талантлив он,
Что, наконец, откроет рот, бог даст.

И мальчиков, и девочек пошлет
Учиться в школы гордый наш народ.
Он смело в ногу с временем пойдет,
Счастливой жизнью заживет, бог даст.

Аэропланы мы соорудим,
К другим планетам путь укажем им,
Высоко в небе чаю вскипятим,
Да и напьемся без хлопот, бог даст.

Научимся машиною пахать,
И молотить — машиною опять,
И много денег будем получать,
И хан весь хлеб не заберет, бог даст.

Накупят книг рабочий и батрак,
Пастух газетою развеет мрак,
И тетушка Тофханиса, никак,
Лингвистом станет в некий год, бог даст.

От знаний будет женщина светла,
Навеки сгинут знахарь и молла,
И Тукеэбан из дальнего села
Уже в мечеть не побредет, бог даст.

Родной язык в отчизне обретет,
Вздохнет азербайджанский наш народ.
И Тегеран тогда его поймет,
Найдет к нему иной подход, бог даст.

Оставит нас извечная нужда,
Забьется сердце радостно тогда
И не застонут села, города,—
Для нас счастливый век придет, бог даст.

ПИР И ГОЛОД

С изумлением гляжу: слыша, как молла поет,
Бьет себя по голове беспощадно весь приход.

Вскинув голову, мой друг шепчет: — Голову склони...
— Почему? А он в ответ: — Будь таким, как весь народ.

Не пристало на людей нам глядеть со стороны,
Общим горем должен ты омрачиться в свой черед...

Между тем, молебен стих, люди молвили: — Амины!
И вздели к небесам руки все наперечет.

Скатерть важдно расстелив, принесли горячий плов.
Ароматный дар творца каждому согрел живот.

Печь натоплена — и все правоверные в поту.—
Пустяки, что на дворе страшная метель метет!

Вот и кончен знатный пир, вот и скатерть унесли.
Все с поклоном поднялись — благодетелю почет.

Каждый взял свою абу, и прощается, и всем
По достоинству хвалу благодетель воздает.

А когда наш городок осветили фонари,
Другу я сказал: — Смотри повнимательней вперед!

И увидел пред собой он бездомную толпу
Нищих, голых и босых, потерявших бедам счет.

Ни кровинки на лице, молча съежились они,
Их незрячий взгляд просил милостыню у господ.

—Друг, — сказал я, — погляди на невинное дитя.
Губы синие его злой мороз навек сомкнет.

Видишь: женщина на льду, с обнаженной головой,
В эту ночь она сама превратится, верно, в лед.

Как ты можешь не покрыть голову ее абой.¹³
Попытаться мы должны снять с нее тяжелый гнет.
Как пойдешь к себе домой, как спокойно ты уснешь,
Если боль ее души человеку сердце жжет?

От стыда закрыв глаза, он поспешил отошел.
Видно, бросило его сразу в жар, и в дрожь, и в пот.
Крикнул вслед ему Моджуз:—Погоди! Не уходи!
Вместе с этими людьми ночь постой ты напролет!

Тысячи больных сестер жаждут помочи твоей,—
Как же ты оставил, друг, наш истерзанный народ?

А Я ПРИЧЕМ?

Кто создал землю, небеса, людей, природу, о бедняк?
Кто создал доброту и гнев, и хлеб, и воду, о бедняк?
Кто создал сахар, чай, и плов, и бочки меду, о бедняк?
Не бог ли сотворил еще беду, незгоду, о бедняк,
Чтоб сливок, соуса, кюфты не дать народу, о бедняк?
Он суп, яичницу, халву подносит мне,— а я причем?
Судьба обидела людей в любой стране,— а я причем?

Эй мальчик, дай-ка мне кальяч! Прекрасней он, чем лик
жены!

Насыпь мне сахару в стакан от полноты моей казны,
Налей мне чаю потемней — такого, как мои штаны!
Пускай поднос и самовар блестят, как солнце с вышиной.
Как честь и совесть у меня—без пятнышка, чисты, ясны!
И дверь запри ты на замок невиданий величины!
Пшеницы просите вы все, но, хоть амбары и полны,
Я ни полфунтика не дам! Народ в огне,— а я причем?

— О обрат, ни крошки нет у нас, помочь в беде пора пришла!
Ты к нашей жизни присмотрись, печальны у крестьян
дела!

Чернее не бывало дней, а наша зорька не взошла.
В нужде товарищи, друзья, горька их доля, тяжела.
Подай ты руку земляку, будь мужественным против зла!
Четыре года путь закрыт¹⁴, а нас чужбина бы спасла...
— Богатых много, или бы к ним! Те в стороне,— а я при-
чем?

Последника прикончил серб¹⁵— и поднялись германцы
вдруг.

И засучили рукава, и взяли ружья, ранцы вдруг,
На черногорцев издали разгневались османцы вдруг,
Закрыли для судов Босфор—и сгорбились иранцы вдруг.
И разорились в том числе урмийцы и дилманцы¹⁶ вдруг:
Попали с хойцами в беду софияны и ковканцы¹⁶ вдруг:
Решили миру кровь пустить миллионники британцы
вдруг.
Японцы, русские дельцы! Все на войне,—а я причем?

—Ты, как пророк, нам помоги, к тебе напастя нас привела,
Не надо носа опускать и морщиться, как мушмула!
До Истамбула бы доплыть, там по-иному б жизнь пошла.
Взгляни вокруг и денег дай, чтоб я уехал из села...
Семья вопит, что ни зерна нет на гумне,—а я причем?

—Не умоляй и не проси! Что раскрывать напрасно рот?
Ведь никакой теперь дурак в долг без процентов не дает!
Проценты, что ни день, растут, как у беременной живот.
Растет, растет доход и мне немало радости несет!
Да, кстати, есть залог у вас? Увы, как раз наоборот:
Ни сада, ни баштана нет! Вы не в цене,—а я причем?

—Мы люди чести и стыда, но мы устали,—как нам быть?
Четыре года мы в беде, все смотрим в дали,—как нам быть?
Большие семьи, рвань и голь, мы отощали,—как нам быть?
—Молчи, душа у нас черна, а без морали,—как нам быть?
Нас только выгода, барыш всегда прельщали,—как нам
быть?

Мы лицемеры и ханжи, мы тверже стали,—как нам быть?
Об оросительной воде мечтать мы стали,—как нам быть?
Не гнешь ты близких, не сидишь на их спине,—а я причем?

Эй малчик, чаю дай еще, кальян к тому же обнови,
От бесполезных, глупых слов какой-то холодок в крови.
Залезли эти голышы оравою в окопы—и.
Чуть заприметив богача, кричат во всю: —Держи! Лови!
Они хотят меня убить, забыв о братстве и любви!
Их очень много. Западню готовят мне—а я причем?

—На всей земле, во всех краях, стоят развалины одни.
Посуда, платье и ковры —всезе разграблены они.

Кто видит бедствия вокруг, тот горько плачет в эти дни.
А кто лишь прибылью живет, тот без улыбки век тяни!
Как будто сам ты не страдал, ты камню мертвому сродни!
О мусульманин, будь правдив и справедливость сохрани!
Голодных братьев накормить—долг мусульманства искони!
Мой брат богатый, ешь ты плов,—ты чахнуть от него
начни!

Ум не в порядке у тебя, ты жить не можешь без грызни!
Умри, подожни и сгори на адском дне,—а я причем?

Ну, скажем, честь я сохраню, а как доход, мой дорогой?
Отверги плов и белый хлеб, а как живот, мой дорогой?
Бедняк для выгоды своей чуть свет встает, мой дорогой!
На брата дуется сестра,—и тут расчет, мой дорогой!
Молла сполна прочтет коран и вновь начнет, мой дорогой,
А пользы нет—он, снизив тон, закроет рот, мой дорогой!
Он из гранита выжмет жир, а нет—умрет, мой дорогой!
Мечты духовного лица лишь о казне,—а я причем?

С годами плесенью пропах и рухнул дом,—а нам-то что?
Не так поставлена была труба на нем,—а нам-то что?
Нет сахару, а ты мальца сечешь кнутом,—а нам-то что?
Сбыв одеяло и палас, ты взывал потом,—а нам-то что?
Подсвечники и юбку сбыл вслед за планом,—а нам-то что?
Ты с голым животом своим смешион вдвойне,—а я причем?

Пят, и не гляну на кувшин, который ты сушел в залог!
Отдать на веру кустарю хотя бы гроти—помилуй бог!
Чтоб чай, фисташки, леденцы, басму купить себе ты смог?
Кувшин-то мой: хочу—налью, хочу—ударю об порог!
Клянусь, ни капельки не дам, пусть ты от хвори изнемог!
Кто говорит, что я подлец? Смотри, собью с костлявых
ног!

Вот предаешься целый день ты болтовне,—а я причем?

—О помоги нам чем-нибудь, брат, пожалей, пришла
пора!

Один лишь раз помочь сестре за столько дней пришла пора.
—Иди ты к черту! Отдохнуть дуне моей пришла пора.
Уже обед, а ты скулиши! Уйти скорей пришла пора!
От чаю отказаться вам и жить скромней пришла пора!

Ну, уходи,—молиться мне за вас, чертей, пришла пора!
Молись и ты! Проси творца о светлом дне,—а я причем?

Смотри, сестра, любой сундук набит битком, не я не дам!
Кричи хотя бы три дня подряд мне о своем, но я не дам!
Пусть нужен сахар, чай, табак вам день за днем, но я не
дам!

Ах золото—моя душа! Гори огнем, но я не дам!
Ступай, умри с тоской своей наедине,—а я причем?

Ты хочешь силой деньги взять, но где там! Я еще силен!
Ты хочешь проглотить меня, разинув пасть, что твой
дракон!

Как будто я в твои глаза миндалевидные влюблена!
Я денег дам тебе на хлеб для ужина? Нелепый соч!
Пускай твои детишки хлеб едят во сне,—а я причем?

Да если я и захочу отдать кому-то плащ, халат,
Инбирь, какао, сахар, чай, иль, скажем, рис,—хоть целый
склад!—

Я это подарю тому, кто важен, знаменит, богат:
Узду накину—и с него сдеру я больше во сто крат!
Без проницательности мне не знать бы на земле услад!
Малланюрен, Кико, Сисбек, Бараб и Галабаг¹⁷ дрожат,
Ложась голодными в постель, а мне не жалко их, я рад!
Без дров деревни эти мрут, а у меня котлы кипят!
Мой дом натоплен, свежий плов расносит вкусный аромат!
Ты не имеешь кизика? Иди к родне,—а я причем?

—Эй, не спеши превозносить свое богатство и почет,
Свои баштаны и сады, и свой старинный, знатный род!
Пойми: ничто, никто из них тебя от гроба не спасет,
Когда на твой высокий рост натянут саван в твой черед.
Тот час—тебя он стережет, могильный дом твой гостя ждет.
А ты? Ни лампы, ни свечи ты в дом не переправил тот!
Как страшен час, когда в земле найдешь ты вечный свой
оплот!

Тебя с печальною женой могильщик разлучить придет,
А сын твой будет ликовати! Ах жизнь загробная—не мед!
Тебе в ад сам сатана, как брату, помочь начнет.
Не веришь в ад, но попадешь ты к сатане,—а я причем?

Не задирай же головы, руками грозно не маши,
По-волчьи зубы не точи на наши жалкие грощи!
Драконью шею схватит смерть и скрутит, сколько ни
гречи.

Не раздувайся: Азраил и толстяка лишит души!
И снимут туфли с ног твоих, и не попросят: разреши.
Богатства от тебя уйдут, как сундуки ни хороши!
Все кончено: не ешь, не пей, не наслаждайся, не дышь!
И сливки жирные твои супруга будет пить в тиши.
А дочки золотом твоим начнут звенеть—ну, хоть пляши!
Страдать за них и за себя тебе вдвойне,—а я причем?

О, страшен час, когда тебя чужой разделет догода,
Обмоет на доске, и в гроб швырнет, не омрачив лица?
Кому твой чай, твоя еда, твои кальян и пияла?
А вирочек, сорок дней тебя пичья не оскорвит хули.
Но вот сыны начнут грабеж: впрок даже ржавая игла!
Не из-за этого ль тобой и вера продана была?
Потом полсотни молл придет: где жирный кус, там и модда.
Разграбят «треть»—и твой сундук возьмут из дальнего
угла.

Четыре месяца пройдет—и та, что так тебе мила,
Вдруг станет щеголя женой: она его давно ждала!
И он в порядок приведет твои сады, баухи, тела.
А ты из-за нее страдал, и мукам не было числа!
А ты из-за нее громил, и грабил, и тягнул дотла!
Ты очень скоро стал чужим своей жене,—а я причем?
Когда же мясо от костей, подобно стружкам, отойдет
И обнажится череп твой, и станет, как могила, рот.
Когда кузнец судьбы тебя в подкову без труда согнет.—
Тогда святым тебя сочтет, исполнившись жалости, твой род,
И по-шакалья бренный прах из подземелья извлечет.
Слетит башка пустая с плеч там, в глубине,—а я причем?
Сползет по ребрам борода, пыль в седине,—а я причем?

Тебя на кляче повезут, как не возили никого.
И череп гулко загремит о крышку гроба твоего.
И тело вспомнит сыновей, и проклянет, хотя мертвое,
И у порога Кербелы их омрачится торжество—
Прикажет небо:—Не пускать! В нем нет святого ничего!
Возможет дух презренный твой войти туда, где божество!

Но вышлет стражей сатана немедля всех, до одного!
Ты будешь плакать, умолять, просить о милости его.
Но булавою твой скелет он будет бить—ну, каково?
Ты будешь проклят на земле и в вышине,—а я причем?

Сломай, Моджуз, перо свое и ручку вышивьри в окно,
И разорви тетрадь в клочки—и выкинь в садик заодно!
Молчи, отрежь себе язык, ведь он не нужен все равно!
Бумаги много исписал, а грош цена ей уж давно.
Порадовать кого-нибудь плохому саду не дано.
Будь зорок и, как я, скажи ты в тишине: а я причем?
Судьба обидела людей в любой стране, а я причем?

ЦАРЬ НИКОЛАЙ И ШАХ МАМЕДАЛИ¹⁸

—Все настроение народ испортил мне, увы,

Душа в огне, увы.

Меня любой теперь клянет в моей стране, увы,
Душа в огне, увы!

Я,—толстопузый, говорил,—скажу и в сотый раз:
Смотри, не возбуждай народ ты всякий день и час!

—Молчи, о друг Мамедали, беда, беда стряслась.
Ох, выручи, ох, помоги, мне очень нелегко,
Так горе велико!

Что наставлять? Такой подход не нужен мне, увы,
Душа в огне, увы!

Да, было время: лишь отдал по армии приказ—
Пехота, конница, застыв, с меня не сводят глаз.
И что ж? Пройдоха, плут—и тот со мною груб сейчас,
И чести мне не отдает простой солдат при всех,—

Какой совершил я грех?
Ах, сколько выпало невзгод на долю мне, увы,
Душа в огне, увы!

—Народы долго мучил ты—и вот ты сам в беде.
И о жестокости твоей идет молва везде.

На бедняках катался ты—и сам теперь в узде.
Ведь я сто раз тебе твердил:—Скромнее, друг, живи!
Но ты тонул в крови...

—Да, чернь за гордость воздает расплатой мне, увы,
Душа в огне, увы!

—Два зеркала тебе всегда сияли издали:
Тупой султан Абдулгамид и шах Мамедали.
Ты видеть мог, на что меня в Иране обрекли:

Сын шахом стал, а я—отец—бродягой стал, увы,
 Так низко пал, увы.
Ему—корона и почет, а горе—мне, увы!
 Душа в огне, увы!
Народ сказал:—Ты честь свою, о царь наш, защиши.
В свои чертоги ты закрой Распутину пути!—
Но ты не слышал,—у тебя развратник был в чести.
Твоих красавиц он хватал, облизывал, как пес,
 А ты его вознес!
Вот и кричи: «Ну, кто спасет корону мне, увы?
 Душа в огне, увы!»
Так много горя испытал и муки твой народ.
Ты знать не знал, о чем писал тебе простой народ.
Не выдержал и поднялся, и начал бой народ.
Чтоб Николай вернул свой трон, не выйдет! Ни-ни-ни!
 Покуда жив, усни!
Теперь тебе—тюремный свод, чужбина—мне, увы,
 Душа в огне, увы!

ПРУССКИЙ КАЙЗЕР

Прусский кайзер поселил в целом мире произвол,
До несчастий и беды нас, клянусь, Вильгельм довел.
Иноверцам всем подряд он пощады не дает,
Ядовитый газ его смерть несет в любой народ.
Он подводников своих рассыпает по морям,
Чтоб топили корабли иноверцев здесь и там.
Немец сел на самолет, взмыл в небо, скрылся с глаз,
Смотришь, бомбы на людей он бросает через час.
По Вердену он палил, разрушает Ригу он—
Иисус на небесах громом пушек потрясен.
И не думай, что пруссак где-нибудь шадит людей.
Кто подумает, тот сам и безбожник, и злодей!
Грешен, скажем, человечек, но животное—оно
В чем виновно перед ним, в чем, ответьте мне, грешно?
Заставляет он людей голодать, а для чего?
Чтобы ими рыб кормить! Нет, не слушайте его!
В каждом слове ложь и ложь—потерял он честь и стыд!
Что попало на язык, то наглец и говорит.
—Еду в Мекку,—говорит,—совершу я там намаз.
Я иранец,—говорит и позорит этим нас.
Был бы он из мусульман, сбыл бы весь достаток свой
И посасывал кальян он, поникнув головой.

Был бы он из мусульман,—слухи разные любя,
Проклял бы газеты он, а затем и сам себя.

Ох, иной породы он, и его мы не сравним
Ни с талантом, ни с умом, ни с характером своим.

Я, Вильгельм, разоблачу тотчас каждый твой обман:
Ты ведь ни одной чертой не похож на мусульман.

И кораном ты клянись тысячу хотя бы раз—
Мусульманином тебя не сочтет никто из нас.

Ты три года сеешь смерть, с криком: «Верую в творца!»
«Мусульманин я!»—кричишь, разрушая без конца.

Кто культурной назовет дикую твою орду,
Пусть болеет оспой тот, пусть он мечется в бреду.

Если в подлости людской он культуру признает,
Пусть он сгинет, пропадет, проклятый из рода в род.

Лишь один Вильгельм теперь продолжать войну готов.
Подтверждают это все, кто хранит завет отцов.

Я, Моджуз, вам говорю: благородства и стыда
Я от кайзеров не жду и сейчас и никогда!

ЭЙ, МУСУЛЬМАНЕ!

Эй, мусульмане, сколько нас ни есть,
Пришла из Тегерана злая весть,
Что прах пророка вехабистов¹⁹ рать
Бомбардирует снова и опять.

Иран от этой вести вне себя,
Шииты собираются, скорбя.

В слезах себя по голове народ,
Не уставая, кулаками бьет.

Чтоб вызвать реки слез у мусульман,
Плетет им небылицы розехан.

Предание о Кербале не так
Повергло бедных мусульман во мрак.
Не флейты ноют, а сердца людей.
Посыпал пеплом голову Гюней.

Сказал поэт: «Собачий хвост куда
Приятней, чем невежды борода!»²⁰

Шиитов розехана бредни бьют,
Рвет грудь себе ногтями темный люд.

Стоят в мечети плач, и вопль, и стон,
И звон цепей под своды вознесен.

У мусульман аэропланов нет,
Но бить себя—священный их завет.

Клянут колонизаторов они:
Во всем виновны лишь они одни.

Что делать нам с Британией, аллах?
О, сын пророка, о, податель благ,

Вынь из ножен свой неподкупный меч,
Чтоб, как траву, ее посланцев сечь!

Ты всех сильней, аллах, и всех смелей,
А мы ведь неспособней всех людей.

Ты, о, пророк, пойди на них войной—
Дай бороды спокойно красить хной!

Вздень головы гяуров на копье—
С их девушками будет нам житье!

Не зря шумит базар:—Наверняка,
Видна здесь иностранная рука.

Подбила вехабистов лишь она!
Своя здесь философия видна:

Они уже давно весь мир мутят,
И прах пророка для таких не свят.

Задев его, пронзят они Иран—
И обрекут на траур мусульман.

Те чай и сахар покупать начнут,
На трапезы за пудом трата пуд.

Нам—чай и слезы, тяжкий груз тоски,
А англичанам—дешежек тюки.

Известно им: когда печаль у нас,
Мы надеваем траур в этот час.

Семь миллионов верных мусульман
Уж как-нибудь наполнят их карман!

Ведь если нам рыдать придет черед,
То каждый ситца черного возьмет.

И, чтоб одеть забитых мусульман,
Пойдет немало миллионов кран.

Не зная арифметики ничуть,
Нам торгашей с дороги не столкнуть.

Фазиль Дербентский,²¹ наш ученый муж,
Нас учит плакать и вопить к тому же.

Мы грамотны для чтенья старых книг,
А в бухгалтерию никто не вник.

Арабскую грамматику—долой!
Ты алгебру учи, приятель мой!

Своей ты бязи в черный цвет не крась—
Сбудь лучше Кербалай Багирю бязь.

Некрашеную бязь носи ты сам:
За белый цвет не очернит имам.

И правоверный зря разузнает,
Кто нам не разрешает брить бород.

Что ангел скрыт под каждым волоском,
Ни капли правды нет в преданьи том.

Молла на это возразит:—Хула!
Гром на гяуров призовет молла.

Пусть англичане снова и опять
Не устают пророка оскорблять,—

Мы все ж подсвечник, лампу и стакан
Приходим покупать у англичан.

И тысячи стаканов бьем мы в год,
Тем самым умножая их доход.

А самоваров тысячи кипят
И день, и ночь,—они откуда, брат?

Ты гол—и кофты для жены своей
Из бархата заморского не шей.

И марлю, чтобы сшить себе тюрбан,
И масло ты берешь у англичан.

Эх, надо проучить тебя давно,
И продавца с тобою заодно.

Не знаю только: возмущенья суть
Поймешь ли, темный, ты когда-нибудь?

Не проклинай гяуров-англичан,
А вылей чай и выброси стакан!

Но кто же покупает всякий раз
У них сукно, полусукно, атлас?

Когда бы Шустер нас не звал к слезам,
Он траурную бязь носил бы сам.

Себя калечит мусульманин мой,
Я тоже мучусь летом и зимой.

БРАТЬЯМ—КУРДАМ

Я говорил тебе:—Эй, Симитко²²,
Смотри, тебе придется нелегко,—

Не троиц народа!—Ты ж отверг совет—
Теперь Джахры²³ твоей проклятой нет.

Ты в Эрзерум умчался, как джейран.
Но вот вернулся снова ты в Иран.

Тебя простили--с тем, что ты опять
Не стал, вернувшись, козни затевать,

Чтоб ты, как губернатор Иби-Зияд²⁴,
Иранцев не казнил, как век назад.

Однако, паточил ты бритву вновь—
И задымилась Омархана²⁵ кровью.

Ты начал в ханских салах грабежи,
По чём тебе он досадил, скажи!

Увы, еще не все: продавши честь,
На шахском троне ты ренил воссесть.

Ты почюю напоил своих людей—
И утром на Дилман напал, злодей.

Мужчин дилманских бабами сочтя,
Ты в путь пустился, глупое дитя.

Когда ж стрелять распорядилась власть,
Пришел черед твоим громилам пасть,

И кровь их побежала, как вода,—
Совсем ты опозорился тогда!

Объял твое пустое сердце страх—
И ты бежал, разбитый впух и впрах.

Навстречу вышла из палатки мать—
И поняла, и начала рыдать.

Но ты сказал:—О мама, замолчи,—
Прислушайся, что там за шум в夜里.

Молчи, не плачь, мне больше невтерпеж:
Подходит войско, копий—не сочтешь!

Утри ты слезы драгоценных глаз—
Смотри, Шихинский²⁶ двинулся на нас.

Я телом здесь, но вся душа—в пути.
О мать многострадальная, прости!

Я смел, как лев, боюсь лишь, мать моя,
Я десятизарядного ружья.

Я из-за Англии бродягой стал,—
Пусть проклянут ее и стар, и мал!

И обманула ведь, как сатана,
И до позора довела она.

Она сказала, золотом звеня,
Что шахом курдов сделает меня.

О боже, дай в Мосул²⁷ вернуться мне
И с нею посидеть наедине.

Скажу:—Ты трон сулила золотой—
Стал шахом нищих я, наемник твой...

Прости-прощай, о дорогая мать!
Жена моя, пора мне уезжать!

Прости, о чернобровая моя,—
Боюсь попасть на острие копья!

Не в том отвага, чтоб себя спасти,—
Сестра, что помогла спастись,—в чести.

Так быстро бросить мать, жену и dochь—
Такой позор лишь смерть уносит прочь!

Кто с детства темен, тем не далеко
До матерого волка Симитко.

Он возит иноземцев на спине,—
Пусть родина совсем сгорит в огне!

Мечтает он пошире сшить рукав,
Губами к бекским сапогам припав.

Эй курды, нашей родины сыны,
Не враждовать,—учиться мы должны!

Поднимем села знаньем и трудом,
Невежду в главари не изберем!

Вовек вам света Симитко не даст,
С наукой станет мозг на все горазд.

Невежество согнуло мусульман
И принесло им столько тяжких ран.

О братья, родина у нас одна,
Да станет нашим цветником она!

Не опьянися тьмою, как вином,
Как Симитко, на брата не пойдем!

Поймите, что земля одна у нас,
Возделаем ее мы в добрый час.

Преобразим искусством, ремеслом,
Путем науки сообща пойдем.

Невежество пустило корни тут,
В Баку иранцы толпами бредут.

Тяжка дорога наша и темна—
Да будет светом залита она!

Те, что споткнутся, дальше не идут.
Ужасный путь, невыносимый труд!

Спасти мечеть молитвой не дано—
Нет, мусульманство саблей спасено!

Брат, поднимись и погляди вокруг,—
Ты слышишь ли аэроплана звук?

Шумят аэропланы в небесах,
На жителей луны наводят страх.

Готовиться к войне Юпитер стал,
А марсиянин точит свой кинжал.

Меркурий побледнел, он весь дрожит,—
Тебе же показалось: жук жужжит.

Но ты ослеп, ты и не глянешь ввысь...
Эй, мусульманин, встань, проснись, встряхнись!

Моджуз, и сам ты бродишь в полутьме,
Ты б одеяло починил к зиме!

Да, осень и зима, к руке рука,
Наводят страх на сердце бедняка.

Без угля и без дров зимою—крах.
Хоть малость их поэту дай, аллах!

Пошли в жаровню уголечков, чтоб
Не прятались птенцы мои в окоп!

Ты сам живи в раю,—на что мне рай?
Но денег мне к зиме на мясо дай!

Пусть ангелы пребудут в вышине,—
Бурдюк бы масла сливочного мне!

ПЕРЕПИСКА

ИЗ ШАБУСТАРА В СТАМБУЛ

Хлеба вдоволь здесь, и дешев он, не то, что в недород.
А на чай и сахар, право, каждый день лишб кран идет.

Ситца ж с кем-нибудь попутным ты пришли хоть пять
аршин.

И на юбки дочек тоже пусть прихватит путник тот.

Если же ты сам верлещися, поработаем вдвое,
И у нас мы в Гунейстане увеличим свой доход.

За туманов десять купишь ты корову в добрый час,
И загон, сарай построишь,—жизнь по-новому пойдет.

Я доить корову стану, убирать, лепить кизяк,
Пастухом ты будешь, милый, и напасти все—не в счет.

ИЗ СТАМБУЛА В ШАБУСТАР

Эта истина бесспорна, эта истина живет,
Что в чудовищ, в диков разных верит бедный наш народ.

Очень жаль, что наши жены не видали светлых дней:
Темноте Ирана стукнул тысяча трехсотый год⁻⁸.

Да, покуда сила в теле и не меркнет свет в глазах,
Мы выносим на чужбине много тягот и невзгод.

Я постель уже готовлю, да и ты поспи, мой друг.
Встанет солнце просвещенья—встать и нам пора придет.

В час, когда оно засветит над проснувшейся страной
И над нашим отчим краем луч пробьется в свой черед,

Я вернусь к тебе, но только знай, родная, что тогда
Свежести твоей не будет, молодость моя пройдет.

Хной я бороду покрашу, ты же—локоны свои;
И с тобой мы по бульвару погуляем без забот.

Говорят: «Моджуз стыдится—и не бреет бороды».
Нет, невежества стыдиться должен был бы наш народ!

ГОВОРЯТ

Лишь прибыл с чужбины домой — «Заткни-ка свой рот!»—
говорят,—

«Молчи, прикуси свой язык, не то попадет», — говорят,—
«Бородку скорей отрасти, пребудь правоверным во всем.
Не смей поднимать головы, не брейся весь год», — говорят.—

Вот мать подала мне абу, я руки продел в рукава,—
«Не так ты оделся, нетак, позориши свой род», — говорят,—

«Вступая в меджлис, поклонись, хозяину молви: «Салам!»
Чалму ты его поцелуй, воздай ей почест», — говорят.

Я стал о пощаде молить, божиться, что мне тяжело.
«Не хочешь? Убытки твоих прибавится счет», — говорят.

А нищие целой толпой по городу ходят за мной:
«Ты с нами обязан, как брат, делить свой доход», — говорят.
«Как много,— я им говорю,— таких в Шабустаре, как
вы?»

«Есть фабрика нищих у нас, работа идет!» — говорят,—
«Нам, немощным, пятую часть отдай ты добра своего,—
Не брейся совсем, избегай ты всяческих мод», — говорят.

ШАБУСТАР

Ни кеманчи, ни тара, — их не любит Шабустар.
Спасайся, милый, жизнь твою погубит Шабустар.
Ни ясных лиц, ни светлых глаз, ни радостных сердец, —
Нет, лампу радости вовек не купит Шабустар.

Тому усы твои смешны, другому — борода,
Тебя на тысячи кусков изрубит Шабустар.

Молла исщиплет, как траву, копну твоих волос:
Вот так с прическою твоей поступит Шабустар.

Ты будешь плакать, словно ты горишь в аду живьем,
Тебя со всех сторон с дублем обступит Шабустар.

Секириу в руки ты возьми, старинный шлем надень, —
Готовься к бедам, если бровь насунут Шабустар.

Кушак веревкой замени, ботинки — парой чуст:
Ты станешь видным, а таких голубит Шабустар.

С моллою скор не заводи — тебя он проклянет:
Не жди, что в чем-нибудь тебе уступит Шабустар!

Оставь духи: тут все равно, что вонь, что аромат.
Тебя за них, того гляди, излупит Шабустар.

Не спорь, Моджуз, пусть лжет молла, что уголь —
перламутр,
С народом будь — и от тебя отступит Шабустар!

ЧТО Я СДЕЛАЛ ВАМ?

Прически я не отпуши и бороду побрить не дам,
Я взяток никогда не брал и не давал я взяток сам,
И ваших предков родники не угонял к своим садам,
Эй шабустарцы-земляки, ну, что я, братья, сделал вам?

В иранском государстве власть от всякой шкуры дань берет
И господа не признает, и мясникам зажала рот,
Берет она за скот живой, берет и за убитый скот.
А я народа не теснил, не бил наотмашь по губам, —
Эй шабустарцы-земляки, ну, что я, братья, сделал вам?

Я не ажан, и не казак, и плетью не вооружен,
Я не закручивал усов, и не носил я панталон, —
Нет, брюки у меня с тесьмой, и я от вас не отдален,
Не щеголял в штиблетах я, подобно прочим господам, —
Эй шабустарцы-земляки, ну, что я, братья, сделал вам?

Скажите, в чем я согрешил, что я в отступники попал?
Кто может описать мой грех? И что — велик он или мал?
Чьему я браку помешал? И в чьи разводы я влезал?
Я дочек ваших в суд не звал и не чинил допросов там, —
Эй шабустарцы-земляки, ну, что я, братья, сделал вам?

Критиковали ли когда за многоженство вы меня?
«Молчи, не лги!» — вы на меня кричали ль, с глаз долой
гоняя?
Чтоб я за счет другого жил, — такого не бывало дня!
Кого обидел я? И как? С кем не был в разговоре прям?
Эй шабустарцы-земляки, ну, что я, братья, сделал вам?

Любезный, шашку обнажи—и на варенье нападай!
На плов, на сливки, на долму до изнуренья нападай!
Кель есть причина, на мои стихотворенья нападай!
Ужель Моджуз раз пять в году не дал смеяться землякам?
Эй шабустарцы-земляки, ну, что я, братья, сделал вам?

НИ РУБЛЯ И НИ КОПЕЙКИ

Ни рубля и ни копейки, ни серебряных монет,—
Виночерпий, все ж палей-ка, если веришь мне, мой свет!
Не дехкан, не горожанин, не поменщик и не раб,
Я ни дынь и ни арбузов не имею с давних лет.
Я не шорник, не чувячник, не батрак—и у меня
Нет орехового сада, нет седла и нет штиблет.
Не курильщик я кальяна, не любитель крепких вин.
Не бабист и не безбожник, не суннит, не их сосед.
Ни Битлу, ни Шиндеваром никогда я не владел,—
Я довольствуюсь немногим, щепка есть—и я согрет.
Мне дохода не приносят ни Гидир, ни Кошкераи,
И ко мне из Новгахана золотой не выется след.
Ест богач кюфту с чуреком, ест шашлык и жирный плов,—
У меня же и в помине нет мясного на обед.
Хлеб с песком, соленый, серый мне приходится жевать,
Есть и камушки в том хлебе, и чего в нем только нет.
В пользу бедных не прошу я, не сеид я, не молла,
На любовницу наложен и на голос мой—запрет.
Я не школьник, не учитель, я не ручка, не тетрадь,
На экзаменах детишек не стыжу,—даю совет.
Подойди ко мне, не бойся,—не змея, не чародей,
Я лъ, подобно скорпиону, причиню кому-то вред.

Не владелец я арыка, не правитель, не холуй,
Не пощечина, не ругань, и не льстивости шербет.

Я не шах, не надзиратель государственных земель,
В горе друга не имею, не веду я с ним бесед.

Не кулак я и не слабый, умоляющий не бить,
Я такой укрыт стеною, что не буду я задет.

Если ты, богач, кичишься золотом и серебром,
То ко мне заимодавцы каждый день спешат чуть свет.

Если ты, богач, гордишься луноликою своей,
То горжусь я лысой дурой, потому что сам я сед.

Только рот она откроет, щеки и бока ее
Неизменно получают убедительный ответ.

Я на улице ни разу не обидел никого,
Но, прия домой, шумлю я и скриплю, как старый дед.

Грохочу я попустому, словно туча в суховей,—
Для жены лишь в этом ласка, и радушье, и привет!

Как бы я ее ни мучил, все безмолвная снесет:
Дать развод имею право — в этом суть моих побед.

БОГ ИЛИ МУСУЛЬМАНИН?

Слыши: богом на пшеницу установлена цена.
Господи, тобой ли вздута или скучником она?

Богом создан лук зеленый, а цепа его пучку —
Нынче так, а завтра этак! — шинделеварцами дана.

Спекулянт орет, ярится, ходит в шапке избекрень.
Молния, ударъ из тучи — пусть умолкнет сатана!

Мне приснилось этой ночью: всю планету залил дождь.
Хлещет в трубах водосточных, вся земля напоена.

Как банкрот-судовладелец, чей товар пошел ко дну,
Слезы льют хлеботорговцы, мечутся, лишились сна.

Ты на пекаря-хапугу, о всевышний, погляди
И на бедных, у которых жизнь в слезах, как ночь, темна!

Держат хлеб и спрашивают: — О аллах, скажи, тобой,
Или пекарем Кафаром эта грязь испечена?

Боже, слезы у голодных вечно катятся из глаз:
Триста тридцать пятых²⁹ годом веют наши времена.

Мусульманин убивает голодухой свой народ.
Деньги — в кассу, и баухальством нынче речь его полна.

Спекулянт и мельник стали подсыпать песок в мешки —
Так лиса дороживизне радуется не одна.

Боже, создал ты людышек, у которых сердце — стали,
Острой сталью их тиранства грудь народа пронзена.

Вознося тебе молитвы, пахарь ходит каждый день
То у нивы низкорослой, то у голого гумна.

За обедом он рыдает и за ужином — в слезах:
Ни вещицы для продажи, ни пшеницы, ни пшена.

Что, скажи, купцу и хану — недород, неурожай?
Но зато лачуга ими, словно громом, сражена.

Я без сил, чтоб стать тираном, нищ, чтоб стать ростов-
щиком.

Лишь богач грешит, о боже, от зари и до темна.

Правды нет в kraю родимом, всюду лжец, предатель, плут,
Правоверными отчизна скована, оскорблена.

Лицемер краснобородый — он повсюду званный гость,
А юнец усы побреет — рухнет на него степа!

Прут в амбар дрова и уголь, чтоб нажиться в холода, —
Богом или спекулянтом жизнь моя угнетена?

Страх несчастных перед властью их от веры отвратил.
Божья власть, клянусь аллахом, мусульманам не страшна!

Мусульмане, если вправду чтите вы своих святых,
Что ж изводит государство козней ваших семена?

Мусульманин бородою и абой снискал почет.
Вот идет он — сердце лживо, голова темна, грязна-

ОСТАВЬ СОВСЕМ!

Муж, бросай скорей чужбину, слышишь, эй, оставь совсем,
Этот мир непостоянный, злых людей оставь совсем!

Справедливо ль, что с другими ты живешь, а я одна?
К той красавице проклятой охладей, оставь совсем!

Постарел и поседел ты, зубы выпали трои,
Ах, очнись, и этих женщин ты смелей оставь совсем!

Ты не трать на карты денег, брось проклятую игру,
Ради бога, вместе с дамой королей оставь совсем!

Как письмо мое получишь, лавку тотчас же продай,
И, собрав долги, квартиру не жалей, оставь совсем!

Ты езжай через Россию, — там ущелий страшных нет,
Транзундскую дорогу для зверей оставь совсем!

Как доедешь до Ирана, ресторан, кафе забудь,
И привычку к разным чайным ты разведай, оставь совсем!

Если стянут по дороге с твоего осла седло,
Не шуми! — Седло дряниое поскорей оставь совсем!

Коль потребуют налоги за покойного отца,
Ты не спорь и, сколько надо им рублей, оставь совсем!

А дадут тебе по шее иль начнут колоть глаза,
Возражать подобным людям не посмей, — оставь совсем!

Коль молла «салам» не примет, будь готов к любой беде,
В парикмахерской не бреют, — горе ей, оставь совсем!

Воротник крахмальный, галстук,—все за городом сними,
А свои штиблеты раньше всех вещей оставь совсем!

Заболит живот иль зубы—закажи молитву, друг,
А лекарство из аптеки ты не пей,—оставь совсем!

Ты «Мой сад», «Мои орхи» лучше бы не говорил:
Сад-то твой, но мысль о пользе тех ветвей оставь совсем!

Все, что есть в саду, воришки поделили меж собой,—
Воздух твой, но бред о доле о своей оставь совсем!

Здесь могильщиком Самедом будешь предан ты земле,—
Кеманчу, и саз, и бубен, тар и иней оставь совсем!

Заклеймят тебя бабистом и повесить захотят—
Ты село свое родное с первых дней оставь совсем!

Что тебе гаджи почтенный? Отстранись ты от него
И паломника святого ты живей оставь совсем!

У тебя все слезы вышли, и боись: душа уйдет,—
Дорогой, не надо плакать, слез не лей, оставь совсем!

Все, что хочешь, можешь делать, издевайся над людьми,
Но лукавство, лицемерье у ханжей оставь совсем!

Сулейман Назиф²⁰ болтает, но не слушай ты его,
Змей словесных пантюркиста перебей, оставь совсем!

Сочинил он, будто курды взяли натиском Тавриз,—
Крикни: «Эй, все эти басни ты, злодей, оставь совсем!»

Не осталось у наймита ни Дилмана, ни Джахри,—
Симитко, а с ним и прочих главарей оставь совсем!

Курд, на турка не надейся, не поможет он тебе,—
И Кямиль-пашу²¹ не жди ты, а верней—оставь совсем!

Счастье сплыло — так уж сплыло, не везет — так не везет:
Не тревожь ты сон несчастных, тех пашей оставь совсем!

У презренного Теймура голова пустым пуста,
И у длинного Аршада²² не полней, — оставь совсем!

Я сказал: «Угроза миру лишь от Англии идет,—
Никакого дела с нею не имей, оставь совсем!»

Если Англии скажу я: «Хватит! Азию покинь!
Весь простор ее и суши и морей оставь совсем!» —

Мне она ответит:—Друг мой, острый нож вложи в ножны—
И со мною не тягайся: мой — острей! Оставь совсем!

Ночь прошла, замерзли воры там, на крыше у тебя,—
Спать ложись и эти сказки для детей — оставь совсем!

Ты с наганом под подушкой сладко спи себе, Моджуз.
И надежду на молитву не лелей, — оставь совсем!

Бери перо, молитву в тишине
Пиши для тех, кто спит в земле сырой!

С утра до ночи козни ты плетешь,
И о театрах изрекаешь ложь,
И «Надир-шаха»⁴ осмеять зовешь,
Хотя народом избран путь другой.

Коль бубен с таром дружно зазвучат,
Внимавший всем сердцем будет рад,
Поспорит с верой смелый юный взгляд
И гордо сокрушит ее устой.

Не веселит герань иранца глаз,
В печаль и грусть влюблен он и сейчас.
Чудак, толпа — не тетушка Тукяз,
Чтоб покупать листок газетный твой.

Когда и впрямь попасть ты хочешь в рай,
Ты в Девечину⁵ к фанатикам ступай:
Тебя молла послушает пускай,
Как ты грешил, распутничал порой.

Ты пишешь: «Беднякам всего трудней —
Скребницей чистят бекских лошадей».
Ты восклицаешь: «Хану веселей —
Он ест шашлык и в шубе он зимой».

Твердишь ты: «Принцам счастье бог дает —
Нельзя, мол, подниматься на господ!»...
В тот час, как Ленин к нам в Иран придет,
Возьмется народ несчастный мой!

РАЗГОВОР С ГАДЖИ

Гаджи лукавый вновь трясет чалмой:
— Ты б съездил в Мекку — долг исполнил свой...

Ни фабрики, ни сада, ни села,
Ни мельницы, ни дома, ни стола,—
Судьба Моджузу тело лишь дала,
И не сильней букашки он земной.

Коварный, у меня же сроду нет
Ни медных, ни серебряных монет,—
Хоть привяжи меня к столбу чуть свет
И бей нагайкой до поры иной!

Клянусь пророком, мой карман иссяк,
С меня ни этак не сорешь, ни так.
«Героям барабанный гром — пустяк»³³—
Ты стих Фердовси навсегда усвой!

Я не боюсь усов или бород,
И мне не страшен облака полет,
Верней кинжала речь моя проймет,—
Иди, шуми, тебе уж не впервый!

Как молния, влети в свою мечеты!
Ты запоешь — и старцы будут петь
И руки целовать начнут, и впредь
О гуриях ты им побольше пой!

Эй ты, достойный быть на адском дне,
Уж если предан вере ты вполне,

В ТОТ ДЕНЬ...

В тот день, как на свалку свезут старинных учебников
хлам,
И алгебра в школу войдет и станет владыцицей там,
И за арифметикой вслед к нам новый придет алфавит,
Доставив немало тревог фанатикам-учителям,

Я знаю, в прекрасный тот день не выдержит столп старины
И, с криком вскочив на коня, помчится навстречу врагам!
Он выхватит догмы книжал — и ересь начнет обличать,
И алгебру ранит стариик, отважен в бою и упрям.

Учебник, в котором раскрыт по-новому божий закон,
При встрече с каноном святым изведет горе и срам.
Безбожную рать разгромив, воскликнет стариик: — Эй друзья,
Да будет сегодняшний день весной искупления нам!

Всевышнему наша хвала, поник обновления стяг —
И вновь городок Шабустар подобен глухим деревням!

От школ государственных пусть останутся камни одни.
Кто учится в них — еретик, того я проклятьям предам!
И скажут ислама сыны свое правоверное «да» —
Бедняк, мол, осла погоняй, ослу уподобясь и сам! —

И можно ли новую мысль нам в старую голову вбить?
Кто новую мысль зашипал, тот лоб свой подставил камням!
Не доброю волей ислам был принят врагами его —
Пророка сверкающий меч внедрял на Востоке ислам.

Арабы за веру свою вступали с противником в бой:
Ираном Омар⁶ завладел, мечом помогая словам.

Товарищем Лениным взвит России пылающий стяг —
Путь к новому миру открыт, идите, он светел и прям.
И ты, мусульманин-земляк, ты тоже войди в этот мир,
Где все христиане пришли к счастливым и радостным дням.
О ради аллаха, мой друг, арабский составь алфавит:
Какие он беды несет, я вкратце тебе передам.

Сказал одному я: — Ну, что ты за десять лет изучил?
Ответил: — Мне слово «ослы» не спутать со словом «ослам».

— А если осел твой в грязи завязнет ночною порой —
Ты будешь кричать до утра, браниться с мольбой пополам.
Останется твой пассажир беспомощным в тяжком пути,
И плохо вам будет, когда грабители бросятся к вам.
Машина трехмесячный путь бесстрашно пройдет за три
дня —
На свете господствует пар, священен науки лишь храм.
Тебе же, я вижу, глаза невежества пар ослепил,
А истина, мой дорогой, больным недоступна глазам...
Как громко ни бей барабан, глухой не услышит его,—
Не плачь же так громко, Меджуз, — иного совета не дам.

ВИНОВАТ

Прошу прошенья, земляки, я у вас;
Мечеть духаном я назвал, — виноват!
Об стенку умный бился лбом, — я сказал:
Убит он дурью наповал, — виноват!

Не знал я, что вороний крик — неземной,
И что сову могу назвать я совой.
Однажды я не в духе был — и, чудной,
Совой скотину обозвал, — виноват!

Какой-то важный господин видел сон,
Как будто гурию в раю обнял он.
Я виноградным скоком был опьянен —
И фыркнул: «Бред!..» Какой скандал! Виноват!

Призвал я — золотых зубов не ругать,
И не шуметь о бороде звал опять,
И вровень с веком детвору обучать,
Но были глухи стар и мал, — виноват!

Враг веры птицею сумел взлететь —
Конечно, бомбу сбросит он на мечети!
Чтоб мусульманину помочь уцелеть,
Коран оставить я призвал, — виноват!

Он на Джрафа поглядел: тот в руках
Газету, видно, нес домой! Ой, аллах!
Как бомба, разорвался он — и запах!
Какой конфуз, какой провал, — виноват!

Эй, пилигримом в Хоросан не ходи, —
Ты мне грехи свои отдай, мешади,
А денежками нашу толь ты снабди!
Зачем такой совет я дал? Виноват!

Гаджи, ты тоже не спеши в дальний путь,
Раздай народу свой запас как-нибудь, —
Не то гяур в кредит нам даст, не забудь:
Нас осквернит его металл, — виноват!

Ох, лисбит мусульманин мой сладко спать.
Уже светаст, а ему все не встать.
Я думал: тайны может он соблюдать —
И все ему пораскрывал, — виноват!

А он ескочил и на меня вдруг напал,
И разъярился, и схватил свой кинжал, —
Все потому, что «хватит спать» я сказал.
Я не подумал про кинжал, — виноват!

Зачем друг другу тайны мы говорим?
Чтоб исправлять самих себя, веря им.
Назвал Моджуза горяча я чужим,
Врагом религии признал, — виноват!

НЕСЧАСТНЫЕ ДЕВУШКИ

Послушайте слово Моджуза, друзья,
Зовет к мятежу оно, словно набат!
Вникайте в стихи мои, чтобы понять,
Какие дела мусульмане творят!

Пропитаны сахаром эти слова.
Ты после заплачь, но попробуй сперва!
У девочки груди заметны едва,—
Ну, чем ей наполнить влюбленного взгляд?

Ей восемь всего, но басмой поскорей
Соседушки брови подкрасили ей —
И в жизнь уезжает на кляче своей
Бедняжка, и свадебный жалок наряд.

Смотри: до чего же невеста мала!
Постой! Пощади ее! Слышишь, молла?
Но что ему? Плата бы только была,
Наполнил бы целый мешок рафинад!

Кричу я: — Палач, да закрой ты свой рот!
Пойми же: идет лишь девятый ей год!
Как об руку с мужем девчурка пойдет?
Напрасно! Глаза его местью грозят.

Эй, лгун долгополый, морочащий нас.
Сегодня не пост и не просто намаз!
Что смысляет в любви эта крошка сейчас?
Она разбьется, бредя наугад!

Ты видишь, еще не раскрылся бутон.
Но этим обрядом измят, осквернен,
Завянет, исхачнет до времени он.
Так все поколенье замучить хотят!

Не трогай бутон — расцветет он в свой срок.
Раскроешь насилию — погибнет цветок.
Как может, как смешт обнять муженек
Ребенка, который невинен и свят?

Ты вспомни: всего лишь полвека назад
Посмел бы младенца высматривать сват?
Теперь же безмозглые люди спешат
Калечить хоть тысячу крошек подряд!

Прапрадеды были сильны, как Рустам,⁸⁷
Что ж силой мешает похвастаться нам?
Не быть от малюток могучим сынам!
Малютки бессильных ребят народят.

Она человек, не из камня она,—
Не мучь ты ее от зари до темна!
Проснись, о земляк мой, от долгого сна:
Ни бог, ни коран быть таким не велят.

То громко кудахчешь, как курица, вдруг,
То воем своим огласишь все вокруг.
Не бейся же так головою, мой друг,—
Окрасишься кровью до самых ты пят.

Моджуз, просыпайся, напрасно ты стих,
Избавь от печали сестер дорогих!
Скажи, что сольются рыдания их —
И слезы потоком Иран сокрушат!

Молла, благословивший брак, благословит развод—
И вот тебя защитник твой гнать из дома начнет.
Твой плач достигнет до небес — крутых, как твой живст,
Но беспощаден мужний суд, ах девушка-душа!

Ушла ты из дома одна, назад пришла вдвоем,
Тут знала ты одну беду, теперь их полон дем.
Зовет Моджуз: учись, блистай талантом и умом,—
Тебя ж призывы не берут, ах девушка-душа!

АХ, ДЕВУШКА!

Народы труд и знанья чтут, ах девушка-душа,
А мы — свинцовый, темный люд, ах девушка-душа!

Отец тебя не обучил на свете ничему!
Да, ничему: ни ремеслу, ни чтению, ни письму.
И, уходя, оставил он тебе в наследство тьму.
Болезни кровь твою сосут, ах девушка-душа!

Надежду на иную жизнь подальше отложи.
Что горе счастьем сменишь ты — не верь ты этой лжи.
Не жди, что станешь ты женой гази или гаджи:
Путь во дворец богатый крут, ах девушка-душа!

Богач богатую возьмет, а бедную — бедняк.
Уродка золотом блеснет — богатый и обмяк.
Нет у тебя ни серебра, ни золота, никак,
Да и пожитки не спасут, ах девушка-душа!

Тебя посвataет наглец, назло твоим мечтам.
Не будет другом он тебе, бесстыжий этот хам:
Уже сиротку не одну он прибирал к рукам,
Тупой невежда, грязный плут, ах девушка-душа!

Желанья вскоре утолив, подлец наверняка
Своей супруге молодой, как зверь, намнет бока:
— Верни ты, шлюха, мой калым, пока цела башка! —
Осел в расправе будет лют, ах девушка-душа!

ДОЧЬ ДОЧУРКУ РОДИЛА

Мне принесли известье:—Вам хвала!
Ведь ваша дочь дочурку родила!—

Увы, увы, для деда и отца
Такая весть отнюдь не весела.

Отец—он малоумный человек,
Сидит и рожа у него кисла:

—Опять девчонка! О моя жена,
Ты мне позор, бесчестье принесла.—

Как будто все зависит от нее—
Он возмущен, он воплощенье зла,

Он разговаривать не хочет с ней,
А дочь еще стыдливей, чем была...

О виночерпий, ты поздравь меня!
—Пошли вам бог дни счастья без числа!—

Но, пожелав добра, вскипал и он:
—Не думай ты, что весть твоя светла!

Пускай не любит девочку отец—
Какая может быть ему хула?

Хотя девчонка и господний дар,
Но к ней любви душа не припасла.

Не русские и не французы мы,
Чтоб нам была бы дочка вдруг мила!

Дай боже, чтобы ни одна жена
На свег девчонку не произвела!

Какой расход—их замуж отдавать!
Как с грубым мужем доля тяжела!

Муж умер или, скажем, дал развод,—
Как тут отцу не омрачить чела?

Ушла одна, вернулась—боже мой,
Зачем живой она назад пришла?

У юбки—двоев, третий—на руках,
И видно сразу: снова тяжела.

Отец совсем разбит ее судьбой:
В пять раз его невзгода возросла!

Вдова же неспособна ни к чему:
Для дел полезных женщина мала.

Лицо и руки нужно ей скрывать—
Мечеть над нею меч свой занесла.

Служить в аптеке девушке нельзя,
Нет для нее на свете ремесла!

Работа мясника и столяра,
И лаочиника ей не подошла.

В мануфактурной лавке счет вести,
Иль быть врачом ей запретил молла.

Ей право попрошайничать везде,
Да торговать собой судьба дала.

Умрет отец—опять несчастна дочь,
Никто не даст ей света и тепла.

Идет в дорогу караван святой—
Гаджи, взгляни, как жизнь ее светла!

Чуть свет—она с негодными людьми,
Чуть ночь—в постель позорную легла.

Испортила нужда простых людей.
Где город наш? Кругом одна зола!

Нет, девушка должна свободна быть,
Обучена, здорована и смела.

Пускай откроет вместо ног лицо—
И пусть меня сожгут в аду дотла!

Мужчина же не прячется в чадру,
Его любая разглядеть смогла.

Сбрось покрывало темноты с лица,
Не будь душою черен, как смола!

Пока под этим покрывалом ты,
Не жди, чтоб над тобой заря взошла!

Пусть рядышком встают отец и дочь,
С Ахмедом в лавку выходи, Лейла!

Коль слег отец, дочь гибнуть не должна,
Ей место—у конторского стола.

Коль, оступившись, ногу муж сломал,
Нужда немедля дверь его нашла.

Когда ж свободной станет Зулейха,
Не разобьется жизнь, как пиала.

Кончает этим речь свою Моджуз—
Кто слушал, принимайся за дела!

О СЕСТРИЦЫ МОИ!

Только несколько слов я хочу вам сказать, о сестрицы мои!
Научитесь читать, научитесь писать, о сестрицы мои!

Сколько раз по селу поскитаться пришлось мне с конвер-
том в руках—
Ноют сба колена опять и опять, о сестрицы мои!

Братьев нет у меня, а куда ни tolknусь—все ушли на урок.
Что в письме—пятый день не могу я узнать, о сестрицы мои.

Вот неделя прошла—письмоносца опять я должна умолять,
И карманы его кишимишом набивать, о сестрицы мои!

Если в дом он войдет, сколько сплетен пойдет из угла в
уголок:
Ведь одна я в дому, умерла моя мать, о сестрицы мои!

Ах когда бы сама я умела писать, я смогла бы читать,
Мне чужих бы мужчин не пришлось приглашать, о сестри-
цы мои!

Как скажу я ему все, что нужно сказать? Стыдно до смерти
мне—

Слово каждое мне—как тяжелая кладь, о сестрицы мои!
Как скажу я: «Пиши: очень плохо сынам. Все сидят...

без штанов». Это слово сказать—богу душу отдать, о сестрицы мои!

Говорит мне: «Ханум, я не слышу тёя, подойди-ка сюда!»
«Что мне делать? Иду. А ему—благодать, о сестрицы мои!»

То он видит глаза, то браслеты мои, то мой локоть, то кисть!
То ему подбородок, то брови видать, о сестрицы мои!
До того мне порой нестерпимо, что я просто б кинулась.
А умела сама—на душе тишь да гладь, о сестрицы мои!
Все народы давно учат женщин своих и читать, и писать,
Вы же увидите «а»—и готовы бежать, о сестрицы мои!
Покажите скорей мне, Моджузу, моллу, я его проучу,
Чтоб он книгу не рвал и не комкал тетрадь, о сестрицы мои!
Да имей бы я дочь, я, назло всем моллам, в школу б дочку
Послал.
Очень жаль, что ее не придется послать, о сестрицы мои!

УКРАШЕНИЕ

Сестра, пример с верблюда ты взяла
На шея колокольцы без числа
Пусть голова свободна от наук,
Но золотая ноша тяжела.

Ты носишь побрякушек целый пуд—
И это весь твой каждодневный труд!
В твоей груди лучи не промелькнут,
А в ней заря рождаться бы могла

Жильцы лачуг на пышный твой наряд
С тоскою, с гневной завистью глядят.
Переведи на кладбище свой взгляд—
И тут же спесь свою сожги дотла!

Непостоянен мир! Настает час—
И ты продаешь свой золотой запас,
И брызнули слезы из поблекших глаз:
К другой твоя утеша перешла.

Пойми: гордиться всякая жена
Не роскошью, а знаньями должна
Смотри, страна голодными полна,
Как много всюду скорби, горя, зла!

Я не зову прикрасы позабыть,
Каменья не нанизывать на нить
Не надо только их везде носить,
Чтоб никого досада не взяла!

Ты научишь читать, писать сама,
Сестра, другим не доверяй письма:
Проникнут в тайны сердца и ума—
И жизнь от горя станет не мила!

Возьмись за дело, темноту развей,
Преодолей неграмотность скорей,
Чтоб книга собеседницей твоей
Во всех печалах, горестях была!

Ну, а твои подружки то и знай,
Собравшись вместе, попиваючи чай,
И оплетают сплетнями весь край,
Пока ночная не сгустится мгла.

•Займутся наши жены чтением книг,—
Иной воскликнет,—сгинет вера вмиг!»
Не смей, не лги народу, клеветник!
А впрочем, что ж колдун? Бросай дела?

ГОСТЬ

Ну, что дает мне твой приезд,
Минутный гость из дальних мест?
Опять тоска мне сердце ест,—
О боже, ты хоть пожалей!

Как взял он в руку паспорт свой—
Я сразу стала неживой.
Когда ж вернется милый мой?
Что сделал он с душой моей!

Так горько плачет он сейчас.
Гляжу—и слезы лют из глаз.
Аробчик, друг, порадуй нас:
Не торопи своих коней!

Как хорошо с дружком вдвоем,
Как пусто без него кругом!
Стал неуютной клеткой дом,—
Ах, вызволи птенца скорей!

О ради бога, дорогой,
Оборотись разок-другой—
И сердцу помаши рукой,
Одним кивком его согрей!

Я вслед гляжу, не нагляжусь,
На шее—тяжесть черных бус.
Слезами горькими давлюсь,
Вернись к родной, дай яду ей!

Он скрылся с глаз, любимый мой,
Вершины гор повиты мглой.
Тоска моя—навек со мной.
О боже, ты хоть пожалей!

УЧИТЕСЬ!

Научи жену писать!—
В дни разлуки—благодать:
Без чужих мужчин сумеет
За Аракс письмо послать.

Коль молла стоит за мрак,
Вы ему скажите так:
Грамоте иные люди
Обучают и собак.

Ты пойми отца совет:
Без науки жизни нет.
Эти черные чернила
На лицо бросают свет.

Русской женщине хвала:
Вкус к науке обрела.
А у нас выводят подпись
Важный муж в поту чела.

Вот машина—плод ума,
Может двигаться сама.
Ну-ка, примемся за дело:
От безделья—всюду тьма.

Делать сахар мы должны—
Будут немцы не нужны.
А молла кричит: «Гяуры—
Те, что с книгами дружны!»

Вот британец и француз,
Крепок с чертом их союз:
Коль иголки не дадут нам,
Будем голыми, клянусь!

Пролетел автомобиль—
Над селеньем всталла пыль.
«Это джин?—кричат соседки,—
Илиperi? Или—быль?

Этот джин людей умчал
Через горный перевал,
А осел мой—стоп, ни с места,—
Я терпенье потерял.

Может русский человек
Даже летом делать снег.
Ты же и зимой не можешь,—
Черт бы взял тебя навек!

Стань к Маячу ты спиной,
Бороду свою—долой!
Что тебе убытки, если
В ту Джулльфу твой путь прямой?

Ни в Германии, сосед,
Ни во Франции их нет,—
Лишь в Иране институты
Для гадалок есть, мой свет!

Ты спесив, да не умен:
В рай мечтами унессен.
Жалок тот, кто жизнь земную
Превращает в глупый сон!

ПОБЕРЕГИСЬ!

Открой лицо, пугливая Тукяз,
Собак, а не людей поберегись!

Судьба готова камень бросить в нас—
И ты судьбы своей поберегись!

Не человека, друг, а комаров
Ты в тишине ночей поберегись!

Корми вола, но яловых коров
Уж лучше не лелей,—поберегись!

Смотри, у человека жала нет,—
Шальной осы скорей поберегись!

Обвесят на осьмушку—не беда,
Дойдет до четвертей,—поберегись!

Коль стал осел брыкаться,—укроти,
Коль в хлебе примесь,—эй, поберегись!

Ты, сколько хочешь, ешь халвы зимой,
Весной забудь о ней, поберегись!

Пускает знахарь грязной бритвой кровь:
Его, а не врачей, поберегись!

Идет солдат — он твой защитник, знай,—
Молла всего страшней,— поберегись!

Святошам ты не доверяй руки,
Их ласковых речей поберегись!

Когда осел в пути ослицу встретит вдруг,
Ох, сбросит он тебя, живей поберегись!

Попросит кто-нибудь—ты помоги, Моджуэз,
Но только сам просить не смей,—поберегись!

ЕСТЬ

В тетради этой нынче весть, достойная вниманья, есть.
О, виночерпий, ты пойми: варенья вкус в сказанье есть.

Вчера в мечети пел молла: «Эй, люди, страшный суд
грядет.

Побойтесь бога: за грехи у бога наказанье есть.

Брить бороду запрещено, прическу оставлять грешно.
То достоянье христиан, а вы же мусульмане есть.

Когда узнаю от людей, что юноша лицо побрил,
Что в шевелюре у него духов благоуханье есть,—

Того, кто брился и побрил, вон из села я изгоню.
Для всех виновных, как закон, вот это приказанье есть!

И свыше сотни мастеров самим кораном поклялись
И расписались, и крепка их клятва в послушанье есть.

Вам, парикмахеры, хвала! Вы честь ислама соблюли!
Смотрите, русский и француз: тут всем вам назиданье есть!

Где подбородков красота? Сокрылись ямочки во тьме,
Нет у влюбленных цветника,—разлука и страданье есть.

О, где ты, парень молодой, с прической, с выбритым лицом?
Нет ни Меджнуна, ни Лейли,—одно лишьувяданье есть.

И вновь молла, разинув рот, воскликнул: Эй, толпа невежд.
Есть между вами старики, в которых жажда знаний есть.

Они хотят помолодеть, говут к прогрессу эти псы,
Лгут, что красавцы на луне и мерзкие созданья есть.

Эх вы, я вижу по душе вам эти новые слова,
Как будто вкусная, как рис, начинка в том обмане есть.
Бессовестный махнул в Берлин: мол, специальность получу.
Вид европейца у него, девица для лобзаний есть.
Я сам знаток любых наук, зачем вам Лондон и Берлин?
Ты рвешься к технике? Она и в Яме, и в Вайгаме³⁹ есть!
Проклятый, ну, к чему они — аэростат, аэроплан?
И ангелы, и сам господь в небесном океане есть!
Науку веры изучай, а геологию составь.
В ней лишь воюющий керссин для лампы возжиганья есть?
Пойми: и пушка, и ружье — все это глупая игра.
О том в коране не одно, поверь, предначертанье есть.
И древний Тате Кеср⁴⁰ сметен не пулеметом, не огнем,—
О том, как землю бык трясет⁴¹, священное преданье есть.
Надел костюм позорный свой, узнал десяток русских слов
И вот кричишь, что рая нет, и весь ты отрицанье есть.
Ты отрицаешь старину, обычаи, весь наш уклад, —
А разве новый алфавит — занет святых писаний есть?
Недаром этот алфавит кази нечистым объявили,
Всех просвещенных разогнать — об этом указанье есть.
Я арифметику изгнал, а книги старые — на трон.
Прочь — астрономии тетради! В ней веры поруганье есть.
Гоните речь о веществе из правоверных наших школ,
В ней сокрушенье всех основ, в ней гибель прорицаний
есть.

Мы изучаем жизнь святых, — нам география чужда,
В старинных книгах много тайн, волнующих сознанье,
есть.

Ну, что к религии рассказ сб Искендере присшибил?
К чему нам Дарий и Джемшид? Хоть стих о них в коране
есть?

Эй, мусульмане, в наши дни зачем истерию нам знать?
А кто ее преподает? В их вере колебанья есть!

Пусть мир попрежнему стоит на моши рыбы и быка!
Учитель новый — смерть тебе! — одно у нас желанье есть.
Рисуют волка, и осла, и зайца на страницах книг,
И человека, — а в душе у них творец созданий есть?
За что им денежки дают? Да не пойдет им пиши впрок!
Отвергли ад, хоть место в' нем для них уже заране есть.
Омаря вспомню, а они, шииты⁴², не клянут его,
Забыв, что в шариате всем, кто проклял, оправданье есть.
И отыскался вдруг поэт, не признающий никого,
Враг мусульманской веры он, и смех — его призвание есть.
Пускай слова его — как мед, он — беспощадная оса.
Смотрите, люди: у него орудие закланья есть.
То он к бабисту⁴³ завернул, то с иноверцем подружил, —
Огнепоклонники средь нас и даже христиане есть!
Услышал это все Моджуз — и вырвал из исжен кинжал:
— Ты думал — голубец во рту? Но сила и в молчанье есть!
Ты лжец, ты отрицаешь свет, а я всем сердцем признаю!
Смотри: и солнце, и луна, и вечных звезд сиянье есть!
А впрочем, сколько ни смотри, ты не увидишь ничего,
Хотя блестящий потолок всегда у мирозданья есть!
Молла, не сад и не цветник для радостей избрал Восток, —
На пыльном кладбище ему лишь место для гуляний есть!
На Запад обрати свой взгляд, смотри, что происходит там!
Тому, кто не сслеп совсем, простор для созерцанья есть.
И горы там, и степи есть, и соловьи в садах поют,
Там столько дивных цветников, что всюду их дыханье есть.
Но слышит самый дальний шум и чувт аромат лишь тот,
Кто уши не забил свинцом, в ком чувство обоняния есть.
Мне говорили: — Ты писпи, — пускай народ ко дну идет! —
Тот не уснет среди зыбей, в ком столько состраданья есть!
Ведь исстари среди слепцов не лише зрячего найти, —
Остаться трезевым на пиру и у меня старанье есть.

И ты, молла, спокоен будь: за мной не следует никто:
За тем влекутся, у кого большое состоянье есть.

Посеяв зерна темноты, ушли властители земли.
Куда ни глянь — надгробье, склеп, а где науки зданье
есть?

Твердят, что в этой стороне передают из рода в род
И землю всю, и урожай, а бедным завещанье есть?

О боже, чтоб молился я, ты место мне в мечети дай, —
Откажешь, — тысячи церквей для жарких излияний есть.

Пророк гяуров привлекал к себе, а ты — наоборот,
Таким деяниям, молла, какое оправданье есть?

Коль скорпионы есть в аду, зачем тебе терзать народ?
Коль финик есть в раю, — купи! Ну, что еще желаний есть?

И если нужно, чтоб ислам с безбожниками воевал,
И если на сей счет тебе святое предписанье есть, —

Направь ты пушки на Дилман: там тысяч пятьдесят
врагов
И жадный Исмаил-ага в продажном этом стане есть.

Я не Гуджадж, не Чингизхан, — лишь отрицатель веры я.
Молла, коль налетит ага, на счастье упованье есть?

Когда собрата приобрел, тогда отчизна хороша, —
Моджуз, откуда ж столько сил в тебе для испытаний есть?

Не только светлый Арванаг и вышедший вперед Анзаб, —
Еще Сераб, и Ардебиль, и Энзели⁴³ в Иране есть.

РЕВОЛЮЦИЯ ГРЯНЕТ

Нет, нет, большинство — не всегда правота,
Не тесьтесь вы доводом этим смешным!
Он кажется веским — наивным глупцам.
Он кажется сильным — невеждам одним.

Вы сами в капкан попадете ли свой?
Народ ваш карман наполняет с лихвой,
Недаром пророка в одежде простой
Тянуло к доверчивым людям простым!

У трезвого ум дальновиден всегда.
Затем и не водятся с ним господа.
Такие мошенники, просто беда!
Религия служит игрушкою им!

Не ведая меры в кровавых делах,
Они и науку разбили бы впрах,
И школы закрыли бы, когда бы не страх, —
Суннит и шиит знают цену святым!

Коснись арифметики — грозен их суд,
Создателя школы гяуром зовут.
В коварстве любой уступает им плут,
В предательстве с ними никто не сравним.

Их речь — петуха голосистого крик,
Им чужд и французский, и русский язык,
К арабской холастике слух их привык,
С индийцем — ни слова, молчат и с другим.

Совсем непонятна им алгебры суть,
Но бьет себя каждый в ученую грудь.
Убийца им взяту вручит как-нибудь—
И в рай он путем попадает прямым.

Их вечные толки — усы, борода,
Псебрался — теперь ты гляур на всегда!
«Эй, голову брей, человек без стыда!
Ну, что за прически? Смотри, осрамим!

Ты жен заводи хоть по тысяче в день,
Но чур — бороды и усов не задены!»
Святыни несут и несут дребедень —
О чем и шуметь им, толковым таким?

Прислужники ханов терзают народ.
Вы чаю не пейте у этих господ!
От них, от предателей, ширится гнет,
Они заодно с властелином своим.

Юристы — тираны, Шеддаду⁴⁴ под стать.
Да рухнет их дом и не встанет опять!
Кто дочь им отдаст, иль начнет помогать,
Тот подлый убийца, сродни им самим!

Иранцу работы на родине нет,
Иранец рожден для несчастий и бед.
Ученый дает ему верный совет:
Ешь землю, как то подобает земным.

Ты ползай гадюкой в родимом краю,
Отдав чужеземцам работу свою.
Ведь жаждешь ты жить вековечно в раю,
Ведь гурний образ тобою любим!

Моджуз, революция трянет у нас —
И сгинут десны ненавистные с глаз,
И кровью старые сбагрятся в тот час, —
Назначено это народом твоим!

ФИЛОСОФИЯ

Трава умрет и оживет, воскреснет через год, —
Так почему же человек вторично не встает?

Когда бы через тыщу лет возможно было мне
Опять прийти в мое село, стряхнув могильный гнет,
Я вспомнил бы, с каким трудом чай-сахэр добывал —
И продавать свою абу не стал бы в дни невзгод.

Да, были дни, Мамедали, бесхлебья и нужды,
Но выдавался урожай — и ликовал народ.

И все же ситец дорог был, — он дешев лиши в раю.
И если Тукезбан меня не бросит, не уйдет,

Скажите ей, что платья нет, а станет замерзать,
Пускай сидит себе в дому, не ведая забот.

Скажите ей, что в эти дни гуляет смерть вокруг,
Умрет, а муж ростовщиков, не дрогнув, подождет.

Нет, миллионщик-депутат народной скорби чужд! —
Таких бы выбрали, как я; забывших бедам счет.

Когда бы в кочегарках башни поспали богачи,
Они одели бы сполна тех, кто в нужде живет.

О, как был счастлив Иисус, который на земле
Жил без жены и малышей, и, значит, без хлопот.

Меня, как пленника, схватив, сковали и ведут, —
А звон цепей и кандалов над городом встает.

В тот день, когда благой творец Моджуза сотворил,
Он мне шепнул: «Теперь тебе страдать настал черед».

О, боже, разве господин так вправе поступать:
Ведь я твой раб, а он во мне злодея признает.

Когда б один веселый день мне выпал, не дай бог,
Я три недели б слезы лил за день несчастный тот.

ЧТО НИ ДЕНЬ

Приходит весна—и пышней букет цветника что ни день,
О розе поет соловей и песня сладка что ни день.

Барашки и овцы на луг, смешавшись, выходят пастись,
На дудке играет чабан волизи родника что ни день.

Но стала природу глушить с какого-то часа судьба—
Все чудится, будто цветы мнет чья-то рука что ни день.

Весну мы считали весной, покуда у нас на обед
Бывали пити, и чурек, и горсть чеснока что ни день.

Под вечер шумел самовар, готовилось что-то опять,
И сизый дымок из трубы летел в облака что ни день.

На сазе играл самовар, подыгрывал на кеманче,
И пляска стаканов тогда бывала звонка что ни день.

Заварку из разных сортов мешала подруга моя:
Хватало для многих гостей у нас кипятка что ни день.

Как славно бывало, когда к нам с мельницы ослики шли.
Все счастливы были в дому: белела мука что ни день,

И женщины тесто гурьбой на кухне месили, пекли,
И ели мы вкусный чурек, едва с уголька что ни день.

Мы ели долму, и халву, молочную кашу, и плов,
И этим пирушкам цена была высока что ни день.

Жена ведь не знала совсем, во что нам обходится хлеб—
И ницим несла по куску, и по два куска что ни день.

Пусть кошка не в меру жадна—жена ей прощала грехи,
Пусть мышка нам портила хлеб—щадили зверька что ни день.
Как было приятно, когда шла в сторону бани жена,
Не зная печали, нужды, от слез далека что ни день.
Как было чудесно, когда плясала и пела она,
И красила брови басмой—два тонких шнурка—что ни день.
Румянила щеки свои частенько моя Тукезбан,
Красильную печь гончара напомнив слегка что ни день.
Однако, изменчивы дни: лицо у жены все темней,
Теперь у красавицы нет в щеках огонька что ни день.
Когда на широкой плите бушует высокий котел,
Тогда у супругов любовь чиста и крепка что ни день.
Когда же супруг обеднял, дерутся они, как враги,
Сшибаясь в четыре худых и злых кулака что ни день.
Мужья, пощадите себя: не трогайте вспыльчивых жен,
Чтоб доля у вас не была темна и жалка что ни день.
Тут выходов есть только два: жене подчиниться во всем,
Иль палкой дубовой своей ласкать ей бока что ни день.
Нет, старому мужу ничем не взять молодую жену,
Хоть будет ей щедро дарить на юбки шелка что ни день.
Уж если он хочет дела с женою наладить свои,
Он должен умело ей вратъ, валять дурака что ни день...
Кто выдумал эту войну⁵, пусть счастья не знает вовек.
Полгода уже я в слезах, рвет сердце тоска что ни день:
Куда б я ни шел, по пятам толпа кредиторов спешил,
Как пули, несущая за мной, ловя должника что ни день.
Кричат: «Отдавай нам долги!» А я: «Хорошо, я отдаю!»
«Когда?» «Как проткнут вам глаза!» Судьбина тяжка что
ни день.
Пускай бакалейщик скупой жаркого не ест никогда—
За то, что на масло цена растет у дружка что ни день.
Как сладко мне было, когда я мед, словно воду, хлебал,
А чиры подмышкой—давай бежать от медка что ни день.

Все больше и больше нужда, а цены растут и растут,
И лук себе цену набил: не купишь пучка что ни день.
Сабза, и кишмиш, и хурма на бой вызывают народ,
И бомбардирует его цена табака что ни день.
Подобно Шуджа-и-довле,⁶ приказывает алыча,
И вот на людей абрикос глядит свысока что ни день.
Очищенный, прянный миндаль, не я ли твой купленный раб:
Ты юному силу даешь, бодришь старика что ни день.
Я как-то спросил у судьбы:—Что в мире дешевле всего,
Чтоб сколько-нибудь заморить я мог червяка что ни день.
И слышу:—Дешевле всего шинтов горячая кровь,
Которая полем течет, бурля, как река, что ни день...
Боюсь, что худой наш осел не вынесет нынешних цен:
Нельзя мне половы купить—кормить ишака что ни день.
Мужчины, давайте уйдем из мира непрочного мы:
Ведь гурии ждут нас в раю, а жизнь так горька что ни день.
Но страшно: а вдруг и на рай подействует неурожай,—
Идут караваны туда—как будто войска⁴⁷, что ни день.
Не дай бог, до райских щедрот голодные наши дойдут:
Съедят они все, что там есть!.. Но терпят пока что ни день.
Хотя умирающих тьма, но нету поминок нигде,
Бесплатно приходит молла отпеть бедняка что ни день.
Имама в Дамаске Езид⁴⁸ ударили лишь раз, а молла
Бьют палкой его по губам—не жаль языка!—что ни день.
Ужасное время! Молла в ломбарде оставил чалму,
И горестно думает он: «Как жизнь коротка!» что ни день.
Как счастливы, думаю я, могильщики в эти деньги:
Работы—по горло! Звенят лопата, кирка что ни день.
Судьба! Справедливо ль, чтоб я голодным ложился в
постель,
А жалкий могильщик храл, поев шашлыка, что ни день?
Не знаю, какая вина лежит в этом мире на мне,
Что ноги мне жалят шипы в траве городка что ни день?

Да, странно: судьба веселит того, кто покойника мыл,
А мне посыпает печаль, и боль велика что ни день.

Уж пост, а в моем уголке ни масла, ни риса,—ну, как
Поститься, читать мне коран в тиши уголка что ни день?

Когда побогаче я был, весь месяц я пост соблюдал—
И радость, как в детской душе, была высока, что ни день.

Нет, в этом году никого не тронут ни пост, ни намаз,—
В мечеть не зови, музэдзин, не порть голоска что ни день!

Лишь несколько штук кишмиша, постись, шабустарец жует,
Сосет шамгазанец⁴⁸ кальян, коль нет кошелька что ни день!

Я в горе спросил у врача:—Нельзя ли мне пост обойти?
А он:—Будь готов оплатить совет земляка что ни день!

—Но как же мне быть?—я сказал,—усами Вильгельма
Клянусь.

Я в лавку за чай не могу отдать медяка что ни день.

Когда я за сахар плачу, то сердце взбухает от слез
И трещины даже дает из-за пятака что ни день.

Когда на прилавок кладу я деньги за чай привозной,
Я свору английских дельцов кляну на века что ни день.

ОСПА

Оспа, ты же отняла у меня двух дочерей,
А сынок всего один,—радость жизни он моей.

Я хотел позвать врача, но жена сказала:—Нет!—
Вот и вся прививка вам!... Да, и я поверил ей!

Двух баранов я отдам, если ты уйдешь в Дарьяи,
Чтоб от страха не дрожать, чтоб не знать ужасных дней.

От любой болезни нам создал снадобье аллах:
Ты разумен—он хранит, ты невежда—что ж, болей!

Предиачертано сульбой: дети умереть должны.
Эти горькие слова жгут Иран, его детей!

Столько рыли нам могил, что мозоли на руках.
Если ты терзаешь нас, хоть могильщиков жалей.

Ты красавца не позорь, не уродуй ты его:
Девушки начнут кричать о жестокости твоей.

Если к шаху в Тегеран эти жалобы дойдут,
Оспа, свяжет он тебя и в тюрьму втолкнет скорей.

Кто захочет, боже мой, эту девушку обнять:
Ни ресниц и ни бровей, не похожа на людей.

Сколько пудры ни клади, не поможет ей ничуть,—
Ей не стать уж никогда ни красивей, ни милей.

О, когда хороним мы оспой скошенных ребят,
Камни города—и те вторят воплю матерей!

Видя смерть своих птенцов, сходят матери с ума,
В горе по миру идут,—что их участи страшней?

Будь там русский иль француз—ты совсем не вхожа к ним,
Лишь иранца любишь ты,—как понять нам выбор сей?

Не в Америку твой путь, не в Германию ведет,
А в несчастный наш Иран ты нашла миллион путей!

Столько милых малышей, оспа, ты уносишь в рай!
Могут гурий заразить—это ты уразумей!

Вспомни Арванаг, Анзаб,—сколько дряхлых старцев
там!
Что же косишиь ты детей с каждым годом все наглей?

Если оспу прививать правоверные начнут,
То Моджуз их пощадит, не колынет строкой своей.

ТЕПЕРЕШНИЕ ВРАЧИ

Врачу безбородому верить не смей—
Такой не излечит болезни твоей.

Нам кровь улучшают варенье, халва,
А эти уколы опасны, ей-ей!

Неужто скончалась у доктора мать,
Что руки его стали ваты белей.

Пророк повелел ему голову брить, —
Он бороду сбрив и усы поскорей.

Сестрица, он хочет выслушивать нас,
Хоть сам он хворает с младенческих дней.

Себя правоверным назвал этот муж—
И всех раздевает в квартире своей.

Кума, на врача он совсем не похож:
Не носит абы, отрицает чертей.

У женщины снял он платок с головы.
Я тетка ему? Или, может, родней?

Он ухом касается женской груди.—
Приятно, что сердце колотится в ней?

— Сестра, — говорит он, — скажи, что с тобой? Он шутит со мной, он шайтана страшней!

Не правда ль, родная, что всякую хворь
Угасывать, мигом — призванье врачей?

— Мне рубль, — говорит он, — плати за визит.
Ах, знахарь Мирза Фатулла поскромней!

Он двадцать четыре копейки берет,
А этот не может прожить без рублей. •

Ведь мы не в земле наши деньги растим!
Дать рубль за укол? Будь он проклят, злодей!

Больной, чем врача без конца приглашать,
Ты по ветру сразу пожитки развея!

На горечь лекарства ты денег не трать,
Ты меду купи: он приятней, вкусней.

Молитва полезней лекарства стократ,
Не врач, а молла исцеляет людей.

Бесстыжий, ты крови не любишь пускать, —
При встрече с моллой не стыдись, не красней!

А если и вправду хороший ты врач,
У знахаря взял бы семян и корней.

Я сроду врачей не видала таких,
Что ходят в одежде шутов, циркачей!

Слыхала: Моджуз уезжает в Тавриз, —
Нам будет без смеха его веселей!

Колдуньи, гадальщицы, честь вам, хвала,
Гадальная чашка — свет жизни моей!

ПРОПОВЕДНИК

Твердят, проповедник, что схож ты с кавказской вершиной,
Ты белого дива душой повторяешь невинной.

Готовясь к молитве, себя омываешь ты в бане,
Всегда остаешься святым, правоверным мужчиной.

Моджуз, кто в Иране лицо свое начисто бреет,
Утратив доверье, не станет персоною чинной.

Любые делишки у нас борода прикрывает,
Под ней правоверный покажется всем молодчиной.

О шейх, не спеши ты свой рот полоскать до рассвета:
Сегодня фонограф заменит тебе муэдзина.

Авто отмеряет за час пятьдесят километров.
То сущая правда! Не русского, не армянина,—

В чудесной машине ты видишь Абдула Манафа:
Простой мусульманин теперь управляет машиной!

Уймись, не терзайся, но ехать в наш век на верблюде —
Неумное дело, — ты это пойми, старичина!

Влюбленный, идя на свиданье к любимой, не медлит, —
Так, значит, молла, пустословит язык твой аршинный!

Пускай я ошибся, — считайте поэта Меджнуном:
Любовь наполняет все мысли мои, до единой!

ЖИТЬ

Как прекрасно с луноликой, с молодой—заметьте!—жить,
Окруженным громкой славой, в почестях на свете жить.

Эй, друзья, найдите средство, чтоб в разлуке жить без мук,
Ибо тяжко дни и ночи, зная муки эти, жить.

О рюблиеный, ты надежду на свидание храни:
Сможешь ли, тоски и горя не распутав сети, жить?

Разве на добро чужое стал бы зариться молла,
Если бы решил трудиться, без своей мечети жить.

Отцвела и облетела Тукеzбан моей краса,
Я с молоденькой имею нынче на примете жить...

Нет, стариk, в плenу у страсти ты рассудка не теряй:
Не тебе с прелестной ланью, веселясь, как дети, жить.

Круг друзей, свирель да бубен—это дело молодых!
Старику же стыдно с дудкой, теша долголетье, жить.

Юную своим богатством ты не смей вводить в обман:
Тошно девушке со старым, смех держа в запрете, жить.

«Сядь к Молжузу на колени!—я красавице сказал,—
Хорошо с красноречивым в звоне слов-соцветий жить!»

А она: «Ах, не царапай ты лицо мне бородой,
Не хочу среди скандалов, где слова, как плети, жить!»

Я ЧЕЛОВЕКОМ СТАЛ

Я полицейским не служил и чин жандарма не по мне,—
За что ж поносят все меня с людьми такими паравне?

Я не правитель, не фарраш¹⁰,—но в мусульмане я попал.
Ты спрашивашь: почему? Случилось это как во сне.

Когда ж назвал я черным кир и белым молоко назвал,
Меня гляром нарекли и стали поносить вдвойне.

Тут раскусил я мусульман и суть их партии постиг—
И я возненавидел их, я человеком стал вполне.

Я их за честных принимал, не думал, что они лжены,
И вдруг болото увидал, с друзьями этими — на дне.

Теперь они меня чернят, готовы по миру пустить.
Чтоб я просил: «Подайте мне!», скитаясь по родной стране.

ШЕЙХ

О шейх, и днем, и ночью ты речами истязал народ:
То видел твой любовный взгляд, то видел злой оскал
народ.

Скажи, не ты ли изобрел и телефон, и телеграф,
Не ты ли создал паровоз, что ты к рукам прибрал народ?
Гяур велел—и осветил свет электрический весь мир!
А что придумано тобой? Смотри, как прежде, вял народ.

Американец изобрел такой чудесный аппарат,
Чтоб он, играя, в бубен бил, чтоб флейтой развлекал народ.
А ты народ наш научил—рвать ворот, цепью бить себя,
Велел, чтоб стала в себя втыкал—или другой металл!—
народ.

Отец—он призван охранять своих детей от рабства тьмы,
Ты ж недостоин, чтоб тебя своим отцом считал народ!

Всегда ты сеял семена тупой вражды в сердцах людей,
Но, если бы ты их любил, ты б к дружбе призывал народ.

ЭЙ ТЫ!

Вчера рыдала, выла вся мечеть,
Мужчины тоже начали реветь.
И я сказал:—Ахунд, устали ведь.
Так изводить народ не смей, эй ты!

А он:—Погибла Дария страна,—
Всегда руинам стая сов нужна.
А мне душа охотника дана,—
Так не пугай моих гусей, эй ты!

Знай: шабустарский плут Гаджи Молла
Тебя накажет за теoi дела,—
Но, если жизнь в раю тебе мила,
Немедля голову побрей, эй ты!

А я:—Коль жить на небе суждено,
Не плачь и не казнись! Пойми одно:
Не воскресить подругу все равно.
Рубахи не кромсай своей, эй ты!..

Да будет праздник у тебя в дому.
Моджуз душою будет рад ему.
Богатым—счасти, беднякам—долму.
Раздав, не закрывай дверей, эй ты!

ВСКРЫТИЕ

Об усах и бороде мудрецы твердят без сна.
Виночерь, час настал: принеси, дружок, вина!
Заодно ты молоток, да и клещи прихвати:
Вскрыть хочу башку одну, видеть, чем она полна.
Ты вино поставь на стол, лампа ярче пусть горит,—
Лей вино Ковсеру в рот, пусть напьется допьяна.
Выну свежий огурец—и узнаю, почему
Полужелтый огурец покупает старина?
По закону только раз говорят: «Велик аллах»,
Кербалай же—сотни раз! А причина неясна...
Кем считаешь ты меня, тем, дружище, и считай,
Но дорога у меня на земле всего одна.

О ЧЕМ МЕЧТАЕШЬ?

Эй ты, сгорбленный старик, крашеная борода,
По морщинам на лице всем видны твои года.
Руки выкрашены хной, опоясан кушаком,
Ну, о чём мечтаешь ты, вздыхающий всегда?
Нужно мясом запастись и крупа нужна семье—
Если летом не купить, будет плохо в холода.
В бубен бьют — согрев его, хлеб едят — купив его.
Четки в сторону отбрось — и уйдет печаль тогда.
Ты завшивел, дорогой, — чтобы избавиться от вшей,
Кочегарка в бане есть, отправляйся-ка туда!
А иначе ни за что не бывать тебе в раю,
Гуриям не жить с тобой вплоть до страшного суда.
Бресь сбманывать, старик, сплетни, козни ни к чему,
Мракобеса узнают по плешине без труда.
Ты фиалки аромат, хоть убей, не признаешь,
Но из бани, ты твердишь, льется чистая вода.
Сахар опусти в стакан — в чае растворится он,
Речь свою кончай, Моджуз! Мрак, исчезни без следа!

АЛЛАХ

Лишь приподнимется чуть-чуть иранский наш народ,
аллах,
Вмг одеяло поправлять молла к нему идет, аллах.

Ахунд-невежда головой в мечети вытирает пол
И говорит: «Моя душа—есть дней моих оплот, аллах.

Каких животных для меня ты создал! Что за кроткий нрав!
Взнуздать, навьючить можно их, и сесть, и гнать вперед,
аллах.

Сказал ты как-то бедняку:—Терпи, я дам тебе ума.
Потом раздумал и не дал, а он и так живет, аллах.

Через пророка повелел ты не взирать на жен чужих,—
Зачем же столько чаровниц творишь из рода в род, аллах.

Ты создал розу, чтоб ее с отрадой нюхал человек,
Ты создал сено, чтоб его ел с наслаждением скот, аллах.

Как жалко: юноша оброс такой густою бородой!
Из-за нее мне разглядеть нельзя его красот, аллах!»

О шейх, зачем тебе идти войной на новый алфавит?
Не алфавит, а твой ахунд святыни не блудет, аллах.

Смотри, как злобно рвет он «А», как яро атакует «Б»,
Бессстрашный этот командир, собравшийся в поход, аллах.

А заодно, я так хочу, чтоб ты померз, как наш народ,
Чтоб испытал ты, как живет бедняк среди невзгод, аллах!

Я не прошу, чтоб ты его костюмом новым наделил,—
Немного ситцу дай ему, пусть он белье сошьет, аллах!

Ты дал бедняге тридцать два чудесных зуба! Перламутр!
Но, если нет зерна, тогда и мельница не в счет, аллах!

У этой женщины, смотри, едва прикрыта нагота—
О, что же делать, если мне смеяться не идет, аллах?

Ведь в некий час, когда велел ты стражам Еву обнажить,
Смеялись ангелы в раю в час беспощадный тот, аллах!

Без юбки Еву ты изгнал из сада-райа твоего,—
Зачем попробовал, скажи, Адам запретный плод, аллах?

А в чем виновно, объясни, вот это малое дитя?
Прости меня — одежды нет и весь открыт живот, аллах.

Ни туфелек нет на ногах, ни шапочки на голове,
Базаром, улицей бредет дитя нужды, забот, аллах.

Отец в надежде на тебя привел его на этот свет—
Не думал, что его малыш тут с голоду умрет, аллах.

Эй ты, дающий за намаз в раю две тысячи дворцов,
Хочу, чтоб славили тебя за блеск твоих щедрот, аллах!

Так вот что: ты дворцы продай, а деньги беднякам раздай.
Прикинул я, что рубль-другой и мне перепадет, аллах.

Уж сколько тысяч лет прошло, как съел два яблочка Адам,
А твой коран его чернит по настоящий год, аллах!

Раз одеяло у тебя просил в мечети верный раб,
Тебя всесильным называл, надеясь на доход, аллах.

И я сказал:—За целый день куска он хлеба не дает,—
Где ж одеяло для тебя, для глупого, возьмет аллах?

Одно из двух: не называй себя ты милостивым впредь,
Или по совести суди и бедных, и господ, аллах!

Я на тебя не клевещу,—но для чего ты создал мед?
Чтоб только бедных раздразнить—вот для чего твой мед,
аллах!

Бедняк Рагим за весь свой век ни разу меду не поел,
А вот Гаджи Рахман в году его сто раз сосет, аллах.

Шагая жизненным путем, под ношей сгорбился Моджуз—
Как надоело это мне! Свалился б ты с высот, аллах!

ИРАНСКИЕ СОЛДАТЫ

Не дай нам, бог, теперь таких солдат,
Какие были много лет назад!

Побрата середина головы—
Хоть паровоз по ней пускайте вы!

В кисете у него чубук лежал,
А с ним висел на поясе кинжал.

В таком-то виде, право, без прикрас.
По площади солдат шагал не раз.

Прикажут—он танцует целый день,
Кресало бьет в кармане о кремень.

От шаровар тесьма во все края
Болталаась, извиваясь, как змея.

На север, юг, на запад и восток
Ее мотало,—каждый видеть мог.

Из ситца архалук на нем блестел.
Он сам себе готовил то, что ел.

Был очень в старину солдат смешон:
Нес без пайка и денег службу он.

Полковник, и майор, и лейтенант,
Да и сержант съедали провиант.

За деньги отпуск получал солдат—
И был свободе, хоть недолгой, рад.

На людном перекрестке примостились,
Солдат готовил дратву в добрый час:

Вручив начальству весь запас деньжат,
Сапожником холодным стал солдат.

С кокардой шаха Насреддина¹¹ он
Чинил чувяки всяческих персон.

Так, обуви погибшей жизни даря,
Сидел он на углу, среди старья.

Но, видя капитана издали,
Он вмиг бросал свою работу—и

С ножом в руке, и с башмаком—в другой,
Вставал и, стукнув об ногу ногой,

Честь отдавал, как истинный мастак.
Клянусь святыми, это было так!

А капитан закручивал усы—
И с высоты величья и красы

Бросая «Вольно!», гордо шел вперед..
Казармы—место грязи, нечистот...

В те времена порядок был таков.
Но мы не будем тратить лишних слов.

Моджуз, ты слышишь с минарета крик?—
Пора! Кончай писать, гаси ночник!

Если б знал я, что привычка к подхалимству приведет,
То француз я за чайник не отнес бы ни копья.

Если бы я стал коклюшем, задушил бы торгаша:
Не нужны ни чай, ни сахар, да и лавка мне твой!

Знал бы я, что от куренья в инвалиды попаду —
Я табачника лишил бы и торговли, и жилья!

Не вина мне, виночерпий, а огня ты принеси:
Весь табак сожгу я в Реште вместе с логовом зверя!

ЕСЛИ Б СТАЛ Я АЗРАИЛОМ

Если б стал я Азраилом, я добрался б до старья,—
Было бы несправедливо, если б юных тронул я.

Если б стал я шахом смерти, не казнил бы я детей,
Потому что без ребенка нету матери житья.

Если б я людские души был назначен отнимать,
Все ж у матери б не отнял я любимое дитя.

Старым, немощным, беззубым жить на свете ни к чему—
Их бы я без сожаленья вычеркнул из бытия.

Я, не дрогнув, задушил бы бесполезных, вредных, злых,—
Всех бы, знаю я, работа осчастливила моя.

Бедняка в его лачуге я избавил бы от мук,
Я обмыл бы прах страдальца, сшил бы саван из тряпья.

—Как бы жареного мяса заготовить для зимы?—
Эта дума гложет сердце, как голодная змея.

Скажем, есть курдюк и мясо, ну, а где достать казан?
Где лапша, крупа и зелень? Чем зимою жить, друзья?

Эй, коклюш, прими спасибо: ты врачу набил карман.
Только жаль, что для меня ты не доходная статья.

Говорю:—Ребенок умер—ну, чего еще ты ждешь?—
Будет жаловаться шаху он на долг мой не шутя.

Верил я в свободу слова—ох, и нажил я врагов!—
Отличить не смог отправу от полезного питья.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Имеется в виду монархический строй в Иране.
- ² *Шах Ахмед* (1909—1925) — Иранский шах из династии Каджаров тюркского происхождения.
- ³ Персонаж из древней истории Ирана.
- ⁴ *Гюней* — уезд на северо-западе Южного Азербайджана, родина поэта.
- ⁵ *Шарафхана* — пристань на озере Урмия.
- ⁶ *Кир* — древне-иранский царь.
- ⁷ *Мамедали* — близкий друг поэта.
- ⁸ *Хорасан* — город на северо-востоке Ирана, где погребен восьмой имам Рза.
- ⁹ *Шандевар* — село на родине поэта.
- ¹⁰ *Шабустар* — родной город поэта.
- ¹¹ *Искендер* — Александр Македонский.
- ¹² *Бахман, Шапур, Кейхосров* — древне-иранские цари.
- ¹³ *Аба* — восточный плащ.
- ¹⁴ «Четыре года» — годы первой мировой войны — 1914—1918.
- ¹⁵ Намек на убийство Австро-венгерского наследника в Сербии (город Сараево) в 1914 году.
- ¹⁶ *Урмия, Дилеман, Софиян, Ковкан* — города и села в иранском Азербайджане.
- ¹⁷ *Малланкура, Кико, Сисбек, Бараб, Галабаг* — поместичьи имения в Шабустаре.
- ¹⁸ *Мамедали* — Иранский шах (1907—1909).
- ¹⁹ *Вехабисты* — религиозно-политическая партия в Аравии.
- ²⁰ Слова классика иранской литературы Моллан-Руми.
- ²¹ *Фазиль Дербенди* — реакционный поэт-мистик XIX века.
- ²² *Исмаил Ага Симитко* — главарь бандитской шайки в Курдистане, политический авантюрист, продававшийся империалистам в период первой мировой войны и позже.
- ²³ *Джахр* — крепость близ ирано-турецкой границы, убежище Симитко.
- ²⁴ *Ибн-Зияд* — арабский правитель в Дамаске, в VII веке.
- ²⁵ *Омархан* — главарь курдских племен.
- ²⁶ *Шихинский* — офицер иранской армии (1927—1934).
- ²⁷ *Мосул* — Нефтеносный район в Иране.

- ²⁸ *1300 лет* — имеются в виду годы господства исламской религии на Ближнем Востоке.
- ²⁹ *1335 год* (1918 г.) — голодный год в Иране.
- ³⁰ *Сулейман Назифбек* — турецкий поэт, писатель, идеолог панисламизма и пантюркизма, сторонник захвата Азербайджана Турцией.
- ³¹ *Кямил паша* — государственный деятель султанской Турции.
- ³² *Сардар-Аршад* — революционный военный чиновник, ставленник шахской власти в Южном Азербайджане.
- ³³ Слова из *«Шахнамэ»* Фирдоуси.
- ³⁴ *«Надиршах»* — историческая драма Наримана Нариманова.
- ³⁵ *Девечи* — городской район в Тебризе, известен своими фанатиками и реакционерами.
- ³⁶ *Омар* — один из четырех халифов Магомета.
- ³⁷ *Рустам* — герой поэмы *«Шахнамэ»*, легендарная личность.
- ³⁸ *Ям и Вейгам* — села на родине поэта.
- ³⁹ *Таге Кесра* — древне иранский памятник архитектуры.
- ⁴⁰ *«Землю бык трясет»* — по утверждению ахундов, земля держится на быках.
- ⁴¹ *«Омара вспомни, а они, шииты»* — жители Ирана, в основном шииты, враждебно относящиеся к суннитам, в том числе и к халифу Омару.
- ⁴² *Бабисты* — секта беханистов.
- ⁴³ *Сараб, Ардебиль, Энзели* — города в Иране.
- ⁴⁴ *Шеддаад* — легендарная личность, именовавшая себя богом.
- ⁴⁵ *«Эту войну»* — первую мировую войну.
- ⁴⁶ *Шуджа-үд-давле* — Гаджи Самед хан, налач иранской революции 1907—1912 гг.
- ⁴⁷ *Идут караваны туда, как будто, войска* — т. е. массами люди умирают с голода.
- ⁴⁸ *Имама в Дамаске Езид ударили* — речь идет о глумлении Езида над отрубленной головой имама Гусейна.
- ⁴⁹ *Шамгазан* — пригородный район Тавриза.
- ⁵⁰ *Фарраш* — солдат иранской армии.
- ⁵¹ *Шах Насреддин* — иранский шах из династии Каджаров, царствовавший с 1848 по 1896 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ленин	5
В Нахичевани Советская власть	6
Родина	7
Республике	8
Материнский язык	9
Батрак	10
Я разбужу	11
Люнейцу	13
Наконец	15
Шах во Франции	16
Другу Мамедали	17
Друзьям	19
Зимний пост	21
Мой народ	23
Признание	25
Бог даст	29
Пир и голод	31
А я причем?	33
Царь Николай и шах Мамедали	39
Прусский кайзер	41
Эй, мусульмане!	43
Братьям—курдам	47
Переписка	51
Говорят	53
Шабустар	54
Что я сделал Вам?	55
Ни рубля и ни копейки	57
Бог или мусульманин?	59
Оставь совсем!	61
Разговор с гаджи	64
В тот день	66
Виноват	68
Несчастные девушки	70
Ах, девушка!	72
Дочь дочурку родила	74
О сестрицы мои!	77

Украшение	79
Гость	81
учитесь!	83
Поберегись!	85
Есть	87
Революция грянет	91
Философия	93
Что ни день	95
Осна	98
Теперешние врачи	100
Проповедник	102
Жить	103
Я человеком стал	104
Шейх	105
Эй ты!	106
Вскрытие	107
О чём мечтаешь?	108
Аллах	109
Иранские солдаты	111
Если б стал я Азраилом	114
Комментарии	115

Мирза Али Моджуз.

Стихи

Редактор Ю. Фидлер

Художественный редактор М. Асланов

Переплет художника М. Касумова;

Технический редактор М. Балакишиев

Корректоры Р. Чагина, Д. Баберфельд

Сдано в набор 24/X-1955 г. Подписано к печати 17/XII-1955 г. ФГ 05325. Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{2}$. Физ. печ. л. 3 $\frac{3}{4}$ +1/16 иллюстраций, условн. печ. л. 6,15, учетно-изд. л. 3,65+0,05 иллюстраций. Заказ № 966.
Тираж 5 000. Цена 3 руб. 90 коп.

Азербайджанское Государственное Издательство,
Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 6.

Типография им. 26 комиссаров Министерства культуры
Азербайджанской ССР, Баку, ул. Али Байрамова, № 3.

3 руб. 90 коп.

894.362-1
M744